

Владимир СВЕРКУНОВ

ТЭА ПРИЗРАКА

*Не ищут того, кто придет сам
Вильям Шекспир*

Владимир Сверкунов

Тело призрака

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Сверкунов В. Д.

Тело призрака / В. Д. Сверкунов — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Из Мавзолея исчезает тело Ленина. Кто это сделал? И можно ли вообще говорить о похищении? Ведь вскоре объявляется удивительно похожий на вождя человек, утверждающий, что он воскрес из мертвых и объединяет в одном лице Ленина и Иисуса Христа. В центре событий оказывается следственная группа во главе с Анатолием Сивцовым. Чтобы установить истину, сыщикам приходится спуститься в московские подземелья, где они находят разгадку тайны.

Содержание

Часть первая	6
Похищение	6
1.	6
2.	6
3.	7
4.	8
5.	9
6.	10
7.	11
8.	13
9.	15
10.	17
11.	19
12.	20
13.	20
14.	22
15.	24
16.	27
17.	29
18.	30
19.	33
20.	35
21.	39
22.	41
23.	44
24.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Все события, описанные в этой книге, герои, действующие в ней, рождены фантазией автора. Любые совпадения имен и названий с реальными людьми и организациями, не более чем случайность.

Часть первая

Похищение

1.

После бушевавшего весь вечер на Красной площади рок-концерта из Мавзолея исчезло тело Ленина.

Это обнаружил сотрудник научно-исследовательского центра биомедицинских технологий Андрей Сапожков. Охрана привычно пропустила его в траурный зал и была немало удивлена тем, что через минуту он появился в дверях бледный, с бисеринками пота на лбу, и чуть слышно произнес:

– Ленина украли!

Эти слова мгновенно разнеслись по стране, а затем и по всему миру, многократно повторенные дикторами телевидения, газетчиками, политическим истеблишментом.

На второй план отошли сообщения о террористических актах в горячих точках, авиакатастрофах и лесных пожарах, как будто мертвое тело для человечества было важнее всего на свете.

В один миг стало понятно, что имя вождя большевиков, который впервые в истории попытался создать государство, где власть принадлежала бы народу, не забыто не только на его родине, но и в самых отдаленных уголках мира.

Западные средства массовой информации сразу предположили, что преступление совершено ради того, чтобы потребовать у российских властей выкуп, и всерьез обсуждали, какая может быть затребована сумма. В конце концов, гипотетическая ставка поднялась до миллиарда долларов.

Мусульманские страны более сдержанно отнеслись к пропаже тела Ильича. Однако, проводя аналогии с проклятиями фараонов, предупреждали, что Аллах жестоко карает всех, кто осмеливается осквернить священные захоронения.

В российских СМИ развернулась настоящая вакханалия. Каждая политическая организация считала своим долгом обвинить в преступлении конкурентов. Особенно преуспели в этом коммунисты, для которых мумия Ленина была чем-то вроде святых мощей, а сам Мавзолей – Меккой, куда должен совершить паломничество каждый партиец.

И вот впервые оказалось, что свято место может быть пусто...

2.

Накануне, в субботний вечер, Георгий Алексеевич Лиганов, лидер Обновленной коммунистической партии, или ОКП, изменил свой обычный распорядок и приказал водителю ехать не на дачу, а к гостинице «Россия», где у партии был свой постоянно оплачиваемый номер с окнами, выходящими на Кремль. Оставшись в одиночестве, он сел у окна и стал оглядывать площадь. Она постепенно заполнялась молодыми, полными жизни телами, озорными криками, катящимися с грохотом по брусчатке пивными банками и взвивавшимися тут и там воздушными шариками с сердечками. Народ валил на рок-концерт, организованный противниками ОКП, которые стремились «разогреть» избирателей в канун выборов в Государственную думу.

Лиганов называл эти представления шабашами на костях революционеров, чьи останки и вправду во множестве лежали в самом сердце Москвы. Но если посмотреть с другой стороны,

то чуть ли не любое мероприятие на этом полукладбище можно было бы считать кощунственным. Чем барабанная дробь и уханье бас-гитары хуже лязганья танковых гусениц и топота солдатских сапог? Любой громкий звук, в конечном итоге, нарушает могильную тишину, в которой, как считается, нуждаются мертвые.

Георгий Алексеевич вспомнил майский день, когда его впервые удостоили великой чести взойти на Мавзолей и с высоты расположенной там трибуны приветствовать участников демонстрации. Внизу были вроде такие же молодые, как сегодня, люди, но они шли не вразброд, как сейчас, а организовано, с воодушевленными глазами, с верой в будущее. Сам Лиганов как что-то мистическое почувствовал тогда связь между телом Ленина, лежавшим в саркофаге под его ногами, своим сердцем и шествующей мимо народной массой. Его даже дрожь пробрала. Жаль, что на самой высокой в государстве трибуне больше побывать не удалось: страна, семьдесят с лишним лет бодро шагавшая под «Марш энтузиастов», вдруг замолкла и после совсем не музыкальной паузы взорвалась какофонией, где место простых и понятных слов заняли птичьи «муси-пуси» и тюремные «запахло»...

Одновременно с первыми гитарными аккордами, пронесшимися по Красной площади, зазвучал сигнал мобильного. Его Георгий Алексеевич выбирал лично: звонок должен был точно повторять звук телефона правительственной связи, стоявшего когда-то в его кабинете, – требовательный и бодрящий. Выслушав звонившего, он усталым голосом сказал:

– Начинайте! Все документы должны быть готовы к утру.

Он еще долго сидел у окна, сокрушенно качая головой и чуть слышно произнося слово «негодяи». Оживился лишь однажды, когда вдруг задребезжали стекла – то ли от пронзительного голоса певца, то ли от рева вторившей ему толпы: «Я рожден в Советском Союзе, сделан я в СССР».

– Еще не так пожалеете, – буркнул он и глянул на часы. Светящиеся стрелки показывали без четверти двенадцать, когда вновь зазвонил мобильник.

– Готово? – спросил Лиганов и, получив утвердительный ответ, сказал: – Хорошо, завтра прочитаю.

Он еще раз посмотрел в окно. На площади, судя по всему, представление уже заканчивалось. Лидер коммунистов остановил взгляд на Мавзолее, где в полумраке не столько читалась, сколько угадывалась надпись «Ленин». Зачем-то произнес ее вслух по слогам, Георгий Алексеевич отправился в спальню, где его ждала расстеленная прислужкой из рядовых партийцев кровать, панели которой были декорированы под красновато-коричневый мрамор.

3.

– Ленин воскрес! Воистину воскрес!

– Нет, так нельзя! Фраза слишком прямо указывает на христианство, – сказал один из двенадцати, собравшихся в круглом зале. В нем угадывался лидер этого сообщества, члены которого вели себя настолько серьезно, что, казалось, любая шутка, произнесенная здесь, стала бы поводом для немедленного изгнания остряка. Мужчина, одетый в строгий темно-серого цвета костюм, выглядел старше и мудрее других: седые волосы, аккуратно зачесанные назад, здорового розового цвета лицо, живые серые глаза. Его сразу бы выделил из толпы художник, если бы тому потребовался натурщик для изображения святого.

Свои слова седовласый адресовал бородавтому человеку неопределенного возраста, вставшему имя Ленина в традиционное пасхальное приветствие.

Ни один из двенадцати на заседании не упоминал ни фамилий, ни имен, ни должностей всех остальных. Странное сообщество по крупицам собрал седовласый, который в прошлом, скорее всего, занимал высокий пост, но в то же время не находился на виду, открытый широкой публике. Возможно, он работал в высшем партийном аппарате, в Комитете государственной

безопасности или в засекреченном научно-исследовательском институте. По крайней мере, он хорошо ориентировался в кадровых вопросах и как настоящий ловец человеческих душ отбирал людей в создаваемую организацию. Это отнимало очень много времени: с каждым из кандидатов – а ими были специалисты самых разных областей, достигшие определенного положения, – он подолгу вел философские беседы на, казалось бы, отвлеченные темы. Из пятидесяти человек, кого «прощупывал» седовласый, в когорту посвященных попадал только один. Так сложилась дюжина единомышленников, собравшихся в небольшом зале, расположенном в одной из московских библиотек.

Акустика здесь была настолько хороша, что с любого места можно было легко разобрать даже произнесенные шепотом слова. И поскольку сидевшие за круглым столом говорили вполголоса, без напряжения, со стороны они производили впечатление то ли заговорщиков, то ли участников какого-то мистического сеанса. Оно подкреплялось еще и тем, что три огромных окна, расположенных на полуокружности, были занавешены плотными бордовыми шторами с посеребрившими от пыли кистями.

– А, может быть, нам использовать коммунистические формулировки? – предположил самый из всех молодой человек с большими залысинами. – Например, Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить? Или вот еще: Ленин и теперь живет всех живых?

– Вы же понимаете, что это агитки! Они чересчур часто употреблялись, и вряд ли кто воспримет их всерьез, – снова твердо заявил седовласый. – Мы должны понять, что не подойдут ни коммунистические, ни христианские фразы в чистом виде. Нам нужен мост между этими двумя «материками». Такой, будто он стоял веками, а люди, обнаружив его, удивятся, почему они раньше не замечали очевидного?! Тогда и новая религия, которую мы собираемся создать, станет такой же естественной, как солнечный свет или снег зимой.

– Предлагаю такой слоган: Ленин с нами! – подал голос мужчина с ежиком на голове, до этого долго делавший пометки в блокноте.

– Забудьте свои рекламные трюки и термины: в конце концов, мы занимаемся несравненно более серьезным делом, – отреагировал лидер. – Но ваше предложение заслуживает внимания. Вроде бы просто, но в то же время емко и ясно!

– Помилуйте, но ведь подобный девиз использовали гитлеровцы – «Got mit Uns!», «С нами бог!» Каждый солдат вермахта носил его на пряжке, – вступил в дискуссию мужчина, будто только что вставший с кресла парикмахера: завитки его черных кудрявых волос были уложены один к одному с поразительной геометрической точностью.

– Ну и что, это тоже христианство, – невозмутимо возразил автор предложения. – Пусть и с чудовищными извращениями.

– Вряд ли кто-то объединит эти фразы, – заметил человек, подпиравший кулаком правую скулу. На ней, когда он отнимал руку, проступал глубокий шрам. – Есть и другие примеры: говорят же – Бог с тобой!

– Думаю, это понравится верующим, – сказал солидный мужчина с окладистой бородой, по центру которой пролегала седая полоса.

Судя по одобрительной реакции собравшихся, фраза «Ленин с нами!» большинству пришлась по душе.

– Хорошо, пока остановимся на этой версии, – подвел итог седовласый. – Если будут другие интересные предложения, мы рассмотрим их позже. А теперь давайте-ка обсудим детали третьего пришествия...

4.

Первым дал интервью в студии, оборудованной в гостинице «Россия», Георгий Алексеевич Лиганов. Он прямо обвинил в исчезновении тела вождя мирового пролетариата действу-

ющую в стране антинародную власть, которая уже несколько лет готовила население к тому, что Ленин будет вынесен из Мавзолея и похоронен на обычном кладбище.

– Власть, допустив надругательство над телом великого человека, проявила не только цинизм, но и трусость, ведь она побоялась сделать это открыто! – с пафосом заявил Лиганов. – Как воры, кремлевские деятели под покровом ночи выкрали тело дорогого всем нам Ильича, чтобы ничто не напоминало народу о его истории, о тех годах, когда не существовало нищеты, произвола, коррупции. Я твердо знаю, что многие хотели бы вернуть те справедливые времена, когда люди имели цель и располагали возможностями достичь ее. Я требую немедленного начала самого серьезного расследования этого преступления. Виновные должны быть найдены и строго наказаны, а тело Ленина возвращено в Мавзолей!

Уже к полудню коммунисты выставили на Красной площади пикеты. Пенсионеры с красными флагами и плакатами скандировали: «Верните Ленина России!» Само здание, где еще сутки назад покоилось тело вождя, окружило оцепление милиции.

Лидер партии «Правое дело» Лев Полков, один из самых ярких противников всего коммунистического, казалось, был ошеломлен больше других политиков. На вопросы тележурналиста он отвечал сбивчиво, будто все время думал о чем-то другом.

– Я не знаю, кто это сделал, но, полагаю, что наша страна только выиграет, – наконец, сформулировал он свою мысль. – Иметь в самом центре государства, да еще рядом с резиденцией президента не преданный земле труп – не только невежественно, но и недопустимо с точки зрения христианской морали. Я и мои товарищи по партии нисколько не осуждают тех, кто выполнил функции санитаров, мы готовы склонить головы перед их мужеством. В конце концов, кто-то должен был решиться на этот шаг. Пути, которые не давали нашей стране оторваться от коммунистического прошлого, наконец, порваны, и мы уже не будем топтаться на месте, а пойдем вперед.

К вечеру, когда на экране телевизора один за другим промелькнули все более или менее значимые в политике лица, стало ясно, что ни одна партия или движение не хотят брать на себя ответственность за столь необычное преступление. Немного разрядило обстановку заявление лидера либералов Михаила Сальникова. Он со своей всегдашней невозмутимостью сказал:

– У нас нет фараонов и не должно быть. Сталин полегал в Мавзолее несколько лет – хватит! Вынесли. А вот Ленин задержался. И правильно сделали, что его унесли. Теперь надо так: хочет политический деятель переночевать в саркофаге – плати и лежи, хоть одну ночь, хоть десять. Думаю, коммунисты всех растолкают и составят график на десять лет вперед. Пусть лежат, нам не жалко. Хоть какая-то от них будет польза!

5.

Следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры Анатолия Сивцова в это утро заставили передать всю текущую работу коллегам и сосредоточиться на похищении из Мавзолея тела Ленина. По распоряжению начальства он возглавил срочно созданную следственную группу, всем членам которой предстояло поставить задачи.

Назначив совещание на 10 часов утра, Анатолий Михайлович задумался. С житейской точки зрения суть преступления была понятной, но юридически оно не вписывалось в определенные законодательством рамки. Конечно, в Уголовном кодексе есть статья, посвященная надругательству над телами умерших и местами их захоронения. Но по ней обычно привлекают мелкое хулиганье, да и наказание предусмотрено пустяковое – обычно арест до трех месяцев. А чтобы упрятать за решетку на пять лет, нужно доказать, что преступление совершено организованной группой, да еще и по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Однако можно ли считать кражу трупа надругательством над телом умершего? А если с ним обращаются вполне достойно?

Существует, правда, еще одна статья, связанная с хищением предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Здесь ответственность уже посерьезнее – от шести до пятнадцати лет. Но есть ли основания считать тело Ленина предметом? Второй вопрос еще сложнее: а какую именно оно имеет ценность? Выражается ли она деньгами?

Он перебрал еще несколько статей, даже взял в руки том Уголовного кодекса и внимательно прочитал разделы, касающиеся вандализма и уничтожения или повреждения памятников истории и культуры. Но они подходили еще хуже.

«Если все же квалифицировать мумию вождя как предмет, имеющий особую ценность, то неизбежно сопротивление многих влиятельных людей, – рассуждал следователь. – Они выдвинут такой аргумент: стоимость тела Ленина определяется ценой его похорон, а это не такие уж большие для государства деньги. Может все же надругательство? Но зачем ради незначительного преступления создавать целую следственную группу, – достаточно было бы одного сыщика, причем районного масштаба...».

Так и не преодолев колебаний, Сивцов нажал кнопку прямой связи с генеральным прокурором, у которого он уже побывал этим утром.

– Какое надругательство, что ты мелешь? – раскатистым фугасом взорвалась трубка после того, как следователь задал, как ему казалось, чисто процедурный вопрос. – Страна вот-вот встанет на дыбы и все – из-за мелкого хулиганства? Нас же в порошок сотрут, и не только коммунисты. Короче, президент поставил задачу найти преступников и, главное, само тело в кратчайшие сроки. Статья должна быть самой суровой.

– Тогда сто шестьдесят четвертая: хищение предметов, имеющих особую ценность. Лишение свободы на три пятилетки. Но...

– Никаких «но». Возбуждай и действуй как можно быстрее! Завтра доложишь о результатах. Все!

Фугас, наконец, отгремел, а Сивцов ощутил что-то вроде небольшой контузии. Но мешкать было уже нельзя.

6.

– Как вас зовут? – растягивая слова, спросил облаченный в белый халат человек со шрамом на правой скуле сидящего перед ним мужчину с двухдневной щетиной на щеках и большой лысиной, тянущейся ото лба к макушке.

– Я не помню, – щуя глаза, сказал тот. – Пожалуйста, помогите мне, это невыносимо, – он долго подбирал нужную фразу, и, наконец, нашел, – ...быть стертым.

Последнее слово он произнес, мягко картавя.

Они сидели в помещении, напоминавшем лабораторию, за одним исключением: посреди пучеглазых приборов стояла высокая больничная кровать, где проводил долгие часы потерявший память пациент.

– Лечение будет очень непростым, – не сразу ответил человек в халате. – Потребуется прибегнуть к гипнозу, скорее всего, даже аппаратному. Придется вживлять в головной мозг электроды. Не пугайтесь, они не толще конского волоса, а отверстия проделываются лазерным лучом, и потом быстро зарастают. Но прежде чем начать эти сложные процедуры, я хотел бы еще раз вас протестировать: может быть, вы хоть что-то вспомните?

– Я постараюсь, – почти безнадежно пообещал собеседник.

Через закрытые и зарешеченные окна не доносилось ни единого звука, да им и неоткуда было бы взяться: снаружи время от времени раздавались разве что редкие крики и посвистывания немногочисленных пичуг на фоне убаюкивающего шелеста леса, в котором затерялся особняк, ставший клиникой для единственного пациента.

В обернутую тишиной паузу, возникшую в разговоре врача с больным, будто звуку разрывающейся бумажной упаковки начали вползать осторожные шаркающие шаги. Поднимающийся по лестнице на второй этаж человек несколько секунд постоял перед дверью и, наконец, вошел. Это был седовласый, но на сей раз не в костюме, а тоже в белом халате, надетом поверх трикотажной серой рубашки. Пристально глядя на небритого пациента, он спросил, однако не его, а коллегу:

– Что-нибудь осталось?

– Все, что касается личности, стерто полностью, – не задумываясь, ответил шрамоносец. – Но сохранились довольно глубокие знания в области религии, философии, юриспруденции, экономики. С точными науками хуже: имеет представление об отдельных явлениях, но все это бессистемно и разрозненно.

– Здесь ничего не трогайте, – твердо произнес седовласый. – Просто верните больному личность, а он уже сам разберется, что к чему. Думаю, мы в этом ему поможем.

Приблизившись к пациенту, он внимательно посмотрел в его карие глаза, простриг взглядом начинающиеся формироваться бороду и усы и, отступив на прежнее место, заметил:

– Содержание должно соответствовать форме. И, соответственно, наоборот.

Молчавший все это время больной неожиданно оживился:

– Диалектикой увлекаетесь: форма содержательна, содержание оформлено?

– Думаю, и вы поддерживаете данный тезис, – смягчив взгляд, ответил седовласый. – Не волнуйтесь: отдыхайте, лечитесь, а мы вернем то, что отняло у вас время! Наша клиника располагает самыми современными медицинскими технологиями, так что успех, я убежден, придет скоро.

Кивнув по очереди больному и врачу, он удалился. Как только неслышно закрылась дверь, пациент поинтересовался:

– Это, наверное, профессор?

– Вам повезло. Лечение будет руководить величайшее в мире светило: Иван Иванович. Шаг за шагом вы вспомните все: кем были, что свершили, о чем думали и мечтали.

7.

Группу, созданную для расследования дела о похищении тела вождя, называли «ленинской» с легкой руки, а еще правильнее – легкого языка самого молодого сотрудника. Им был Антон Корицкий – следователь, которого забрали в генпрокуратуру из Ростова-на-Дону. После совещания у Сивцова он и другие сыщики разошлись, имея конкретные задания. Корицкому как новоиспеченному жителю столицы поручили допросить обнаружившего исчезновение мумии Андрея Сапожкова, руководителей центра биомедицинских технологий, где тот работал, а также охранников и попытаться понять механизм допуска в Мавзолей ученых и специалистов.

Коренному москвичу Юре Куркову предстояло вместе с криминалистами обследовать траурное сооружение внутри и снаружи. Еще один член группы – обладатель лучезарной улыбки, открывавшей, как отмычкой, любую душу, Роман Рахматов с помощью сотрудников милиции должен был опросить жителей прилегающих к Красной площади кварталов и, по возможности, зрителей, находившихся вечером на Красной площади. Ему следовало ответить на вопросы: не заметили ли те что-либо необычное в тот вечер, будь то ожидающий пассажиров автомобиль или группа людей, переносящая любой крупногабаритный предмет?

Оставшись один, Анатолий Сивцов задумался. Он вообще был скорее «кабинетным» следователем, чем сыщиком в полном смысле этого слова. На месте преступления он обычно появлялся, уже имея жизнеспособную версию, которую надлежало подтвердить или опровергнуть в конкретной обстановке. Но способность моделировать самые различные и порой даже абсурд-

ные, на первый взгляд, ситуации неизменно приводили его к раскрытию громких убийств, похищений известных людей, ограблений, где украденное измерялось многозначными цифрами в иностранной валюте.

Выведя на экран компьютера свою излюбленную таблицу, он начал заполнять в ней графы. В первой колонке, озаглавленной «Предполагаемые преступники», Сивцов стал записывать по порядку – сверху вниз: «правые партии, националистические группировки, коммунисты»... Немного поколебавшись, впечатал: «президент». На этом список, как ни странно, иссяк, хотя обычно «кандидатов» на преступление набиралось не менее десятка.

Вторая колонка называлась – «Мотив». У правых сил он, несомненно, был. Они много раз заявляли о необходимости для страны окончательно расстаться с коммунистическим прошлым, а для этого надо похоронить тело Ленина, что, якобы, продиктовано его завещанием и волей супруги Надежды Крупской. «Явное желание убрать Ленина и Мавзолей с Красной площади», – записал Сивцов в пустой графе. Но они настаивали на открытом и публичном «выносе тела». Вряд ли правые стали бы тайно красть его, да еще и перед выборами, если они, конечно, не пошли ва-банк. Поэтому в третьей колонке, где в «шапке» значилось «Противоречия», Анатолий напечатал: «О преступлении не предупреждают» и чуть ниже: «На носу выборы». Четвертая колонка называлась «Улики», и здесь появилась фраза: «Организовали концерт на Красной площади». Следующую колонку под заголовком «Алиби» он оставил пустой. Потом довольно долго размышлял, что записать в последней – под названием «Действия»? Преступление, что и говорить, необычное, и любое наблюдение, установленное за лидерами партии, если будет обнаружено, неизбежно приведет к политическому скандалу. По этой же причине нельзя применить и «прослушку». Остается надеяться, что кто-нибудь из лидеров правых проговорится на предвыборных собраниях и митингах. Подумав, Сивцов записал в последней колонке: «Анализ выступлений». А затем добавил: «Допрос участников концерта, особенно технических групп, располагающих транспортом».

Проще было со вторым «кандидатом» – националистическими группировками. Здесь Анатолий последовательно написал: «Считают Ленина евреем», «Живут сегодняшним днем, борются преимущественно с живыми «иноверцами», третью и четвертую колонки оставил пустыми, а в пятую впечатал: «Изучить заявления лидеров».

С коммунистами он расправился еще быстрее. Судя по записям, мотив у них мог быть: встав на защиту украденного тела Ленина, организовать по всей стране акции протеста, что очень кстати в связи с предстоящими выборами. Но станут ли они посягать на собственную святыню? Наличие вождя мирового пролетариата в самом центре столицы и так дает им немало козырей: в конце концов, если власти так и не решились на захоронение останков Ленина, значит, признают за коммунистами реальную силу! Против них нет улик и, скорее всего, не требуется предпринимать никаких действий.

Все графы, лежащие за надписью «Президент» Сивцов оставил пустыми, хотя само слово не убрал.

Начало расследования получилось не очень обнадеживающим. В чем вообще смысл этого преступления? Пока не будет найден ответ, никакой ясности не появится.

Анатолий опять погрузился в размышления. «А что значит Ленин для меня?» – подумал он.

От этих дум дохнуло холодной пустотой. У него не было особых претензий к вождю, которого он только один раз видел в Мавзолее, отстояв вместе с классом семь часов в длинной очереди на Красной площади. Никаких чувств при взгляде на светящуюся «человеко-лампу», как он назвал тогда мумию, у него не возникло. Но и от высказываний воздержался: язык уже дважды подводил его, когда дело касалось «большой» политики. С первого раза его не приняли в пионеры: шутливо репетируя торжественную клятву, он вставил в нее обещания «пить водку и жрать селедку». Другие кандидаты в юные ленинцы тут же заложили его учи-

тельнице, и купленный заранее алый галстук пришлось убрать в шкаф на целых полгода. Хотя этот предмет «красного» гардероба все же пришлось применить, правда не по назначению: обиженный Толик полдня утирал им слезы.

История повторилась еще дважды: в комсомол – ленинский! – удалось вступить тоже только со второго захода: в райкоме на собеседовании одному из секретарей не понравилось, что Толик пришел туда в джинсах, хотя было видно, что забугорная вражеская одежда вызвала зависть у сурового функционера: тот, будь такое позволено, с удовольствием содрал бы с юного товарища добротные голубые штаны.

И с партией коммунистов вышли нелады. Почти год ходил Анатолий в кандидатах – так тогда было положено, – но как раз в конце срока случилась семейная история – от него ушла жена. Событие при всей драматичности весьма по тем временам банальное, но товарищи по работе со всей серьезностью отнеслись к «моральной чистоте» рядов. На суд, где рассматривалось дело о разводе, послали специального уполномоченного, и тот с открытым ртом выслушав все перипетии крушения семьи, вынес вердикт: виновен. По иронии судьбы фамилия партийного эксперта по семейным делам была Шлагбаум – он и перекрыл Сивцову путь в компартию.

Когда Анатолий думал о Ленине, его мучили два вопроса – дурацкий и серьезный. Он не понимал, почему маленького и кудрявого Володю наказали за то, что он съел кожуру от яблок – об этом повествовала одна из «рассказок» о детстве Ильича? В семье Толика все произошло бы наоборот: задумай он чистить плоды, сразу получил бы нагоняй за транжирство.

Второй вопрос возник позднее – во время учебы в университете. Толик никак не мог взять в толк, зачем Ленину понадобилось лезть в философские дебри, если он собирался стать революционером. Неужели думал, что рабочим, которым он хотел отдать власть, будут понятны и жизненно важны все эти неоплатонизмы, эмпириокритицизмы, материализмы?..

Последнее слово вернуло его в реальность. Он вспомнил газетную заметку, где сообщалось, что некие американские предприниматели готовы выкупить тело Ленина и затем устроить ему «турне» по всему миру, показывая за деньги, как мумию Тутанхамона. Сивцов добавил в таблицу еще одну строку, в первой колонке написал «Бизнес», мотивы преступления определил как прибыль, пропустил две графы и в последней напечатал: «Сколько стоит Ленин?»

8.

Георгий Алексеевич Лиганов вновь чувствовал себя молодым. Хоть и не был он волшебником, но по его, лидера компартии, воле осенняя Россия расцвела майским алым кумачом.

Уже на следующий день после исчезновения из Мавзолея Ленина во всех более или менее крупных городах страны в одно и то же время – в 11 часов утра – начались митинги. Главный лозунг, с которым вышли миллионы людей, – «Верните Ленина России!» – не был таким простым, каким казался при первом прочтении. Смысл его заключался не только в том, чтобы возвратить тело вождя в гранитную усыпальницу. Коммунисты смотрели дальше: ленинизм вновь должен восторжествовать в государстве рабочих и крестьян, смести нуворишей-олигархов и вернуть справедливый порядок распределения общественных богатств. В конце концов, чем плох принцип: от каждого по способностям – каждому по труду?!

Власти, хотя и опасались народных волнений, никак не ожидали, что те примут такой масштаб. На улицы и площади вышли не только активисты пенсионного возраста, – к ним присоединились целые рабочие коллективы, студенты, безработные.

Все газеты мира обошел снимок, сделанный с вертолета. На нем было видно, что площадь на всем пространстве между Кремлевской стеной и ГУМом, собором Василия Блаженного и Историческим музеем действительно стала красной. Особо выделялся пояс, вытянувшийся полукругом вдоль Мавзолея, – здесь коммунисты установили круглосуточную охрану, облачив специально отобранных крепких дружинников в алые береты. По замыслу организаторов такой

караул не дал бы возможности властям замести следы преступления. Они стояли лицом к лицу – добровольцы и милиционеры из кордона, выставленного с той же целью: чтобы ни одна живая душа не смогла проникнуть в некрополь мертвого вождя.

Конечно, самым подходящим местом для трибуны, как считал Лиганов, стал бы сам Мавзолей – как в старые добрые времена. Но это было преждевременно – по крайней мере, пока в нем отсутствовал сам «хозяин». Поэтому со стороны ГУМа оборудовали помост, задрапировав его красным полотнищем. Легко, по-юношески, Георгий Алексеевич взлетел по сборным металлическим ступенькам на возвышение, подхватил переданный ему микрофон и на одном дыхании прокричал:

– Нельзя отнять Ленина у людей, которые доверили ему свои сердца!

Толпа взорвалась, скандируя: «Ле-нин! Ле-нин!»

– У нашего народа нагло украли все: страну, которой мы гордились и уважал весь мир, похитили заводы, фабрики, землю, природные богатства! Из нас сделали бездумных исполнителей воли мирового капитализма. Но дело Ленина живет, и, я уверен, будет побеждать! Без детища Ильича – Союза Советских Социалистических Республик – мир не был бы таким, как сейчас. С оглядкой на нашу страну империалисты и у себя пошли на уступки трудящимся, бросив им крохи со своих ломящихся столов. Нашим доморощенным капиталистам бояться уже некого. Они сорят миллионами, устроив пир во время чумы. Ленин еще сто лет назад дал им беспощадную характеристику, написав, что нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист, если есть возможность получить сверхприбыль! Олигархи, распоясавшись, бросили народ в пучину нищеты, бесправия, беспросветности. А теперь совершили еще одно чудовищное преступление, похитив тело дорогого нам Ильича из Мавзолея. Этим они хотят вытравить из сознания людей само понятие ленинизма, чтобы ничто не мешало им творить свои черные дела! Не дадим отнять у нас Ленина! Верните Ленина России!

Казалось, что возвратились недавние доперестроечные времена. Один за другим на трибуну поднимались люди с горящими глазами и лицами, которые еще больше расцветчивались разлитым вокруг огнем кумача.

– Россия – не дойная корова для новоиспеченных богатеев, – пронзительно закричала в микрофон скромно одетая пожилая женщина, скорее всего, из подмосковной деревни. – Мы, люди труда, хотим опять жить и работать по-ленински, чувствовать себя нужными, а не так, как сейчас, когда все спиваются, дерутся и убивают друг дружку. Если бы Ленин был жив, а еще лучше – вместе со Сталиным, он бы показал, как издеваться над простым народом! Но даже мертвый он мешал этим елегархам. Зачем они украли нашего вождя? Мы хотим, чтобы он опять лежал здесь, в центре Москвы, нашей столицы, чтобы мы могли его видеть и вспоминать, как хорошо мы жили! Отдайте Ильича, без него мы совсем пропадем!

Вытирая слезы, ораторша отдала микрофон, пошла по помосту в другую от лестницы сторону и чуть не упала с высоты. Ее успел схватить за локоть Лиганов и оставил на трибуне, крепко взяв за руку.

Страна бушевала, хотя пока только словесно. Но, казалось, еще немного – и полетят булыжники в зеркальные окна-витрины кичащихся богатством банков, шикарных офисов, элитных магазинов и роскошных ресторанов.

Утром, давая интервью одному из крупнейших зарубежных агентств, президент страны довольно сдержанно откомментировал вопрос: «Что у вас произошло с телом Ленина?»

Он ответил:

– Его украли.

9.

За двое суток «ленинская» группа ни на шаг не продвинулась в расследовании дела. Четверо следователей высокой квалификации сидели в кабинете Сивцова, стараясь не смотреть друг на друга.

Антон Корицкий доложил, что в Мавзолее четыре двери – парадный и два служебных входа со стороны фасада, тыла и левой стороны здания, а также выход для посетителей справа. Охрана выставлена только у парадного подъезда. Служебные входы для непосвященного человека незаметны – они облицованы таким же гранитом, как и стены. Одна дверь давно и намертво заблокирована, а вторая запирается так же, как банковские ячейки, на два замка: один ключ находится у охранника, второй – в центре биомедицинских технологий, где уже многие годы занимаются проблемами бальзамирования мумии Ленина.

Каждое утро один из сотрудников центра, которому под расписку выдается ключ, посещает усыпальницу, чтобы проверить состояние тела вождя и параметры работы оборудования и приборов, обеспечивающих в траурном зале оптимальную температуру и влажность воздуха. О результатах делается отметка в специальном журнале, заведенном в центре. Работник, посетивший Мавзолей накануне, дал показания, что тело было на месте. Это подтвердил и заместитель директора центра – он в то утро сопровождал сотрудника, что довольно часто практикуется.

В день кражи «по Ленину» дежурил Андрей Сапожков, который и обнаружил пропажу. Никаких следов пребывания посторонних людей он не заметил. Саркофаг находился на привычном месте и, похоже, не сдвигался.

Охрана, выставленная у парадного входа, также ничего особенного не заметила. Правда, к Мавзолею подходили трое подвыпивших зрителей, которые просили пропустить их на трибуну Мавзолея, мол, оттуда будет лучше видно, но милиция, обслуживавшая концерт, выдвинула их за пределы Красной площади.

– Удалось узнать, кто такие? – спросил Сивцов.

– Документы у них не проверяли: в общем, они ничего плохого не сделали, да и вели себя довольно вежливо, – сказал Антон Корицкий. – Так что этот факт даже на мелкое хулиганство не тянет. Но я на всякий случай составил их словесные портреты, хотя, думаю, они вряд ли нам что-то дадут. Один был одет в серую ветровку, второй – в коричневую кожаную куртку, третий – в черный свитер. Ну и джинсы, естественно. В такой одежде ходят миллионы. Ребята молодые, лет по двадцать, русоволосые, черты лиц самые обыкновенные и, как говорится, без особых примет.

– Они могли отвлечь охрану?

– Не думаю: весь эпизод уложился в минуту. К тому же, как я говорил, ими занималась «концертная» милиция, а не караул Мавзолея.

– А есть ли дубликаты ключей к служебному входу?

– Есть, но они находятся в сейфе начальника Дирекции по эксплуатации комплекса «Кремль». Доступ имеет он сам и его заместитель.

– Система, вроде, надежная, – заметил Анатолий Михайлович и повернулся к Юрию Куркову. – Расскажи нам поподробнее о самом Мавзолее.

– Как он выглядит снаружи, надеюсь, все знают, хотя и здесь обнаружилась неожиданная и непонятная вещь...

– Что ты имеешь в виду?

– Дело в том, что три угла у здания обычные – стены сходятся под девяносто градусов. А вот с правой фасадной стороны зачем-то сделана ниша, а уже в ней находится угол. Все это

напоминает встроенную вертящуюся дверь, только ничего там не движется – я проверил, – уверенно докладывал Юрий.

– А что говорят строители?

– Правильнее всего было бы расспросить Щусева, который проектировал здание. Но его уже давно нет в живых. Я обращался к архитекторам, однако вразумительного ответа не получил. Одни считают это просто элементом украшения, другие полагают, что так оформлено место для возложения цветов и венков. Забавно, что «потусторонники»...

– Кто?

– Ну, так я называю парапсихологов и других представителей оккультных наук. Так вот, они уверены, что странный угол – это антенна, через которую Ленин зомбировал людей, особенно во время майских и октябрьских демонстраций, ведь шествующие обязательно попадали в поле действия этой странной ниши.

– Бред какой-то, – сказал Сивцов после короткого раздумья.

– Но сама по себе версия очень интересная, – энергично подключился к разговору Антон Корицкий. – С чего бы еще Вознесенский написал: «И Ленин как рентген просвечивает нас»? Может, и в самом деле от Ильича исходило какое-то биополе?

– Думаю, это к нашему делу не относится, – Анатолий решительно оборвал подчиненного, которого было собрался поддержать и Роман Рахматов. – В любое другое время готов потрепаться, но сейчас мы в цейтноте: генеральный требует немедленно дать хоть какую-то правдоподобную версию, так что не до мистики.

Он опять перевел взгляд на Куркова и бросил:

– Продолжай.

– Через служебные двери попадаешь не сразу в траурный зал, а в «предбанник», где есть вход в подземный коридор, – он проходит под гостевыми трибунами. Отсюда поднимались руководители государства в советские времена. По одну сторону коридора расположены кабинеты коменданта, других работников, по другую – вспомогательные помещения. В траурный зал можно попасть, открыв тяжелую внутреннюю дверь с кодовым замком – его шифр меняется каждую неделю. Раньше рядом с входом сидел за пультом оператор, который следил за работой оборудования. Потом эти функции стал выполнять компьютер, расположенный в подвальном помещении. Туда ведет еще одна дверь, оборудованная электронным замком. Чип-ключ от нее есть только у руководства центра биомедицинских технологий: подвал – его епархия.

– Там лаборатория? – предположил Сивцов.

– Да, но посещение ее сотрудниками строго регламентировано – никто не может, скажем, остаться поэкспериментировать после работы. Еще одна деталь: под саркофагом смонтирован подъемник, на нем в случае необходимости «подгримировать» тело спускают в подвал, и уже там производят нужные процедуры.

– Там есть помещения, где можно было бы его спрятать? – спросил Анатолий.

– В подвале только одна, кстати, не очень большая комната, – объяснил Юрий. – Никаких других способов попасть туда, кроме того, о котором я говорил, нет. Мы обследовали все шкафы, нигде не найдено никаких следов хранения тела.

– А как же с другими подземными этажами? – недоверчиво произнес Сивцов. – В прессе писали, что они уходят на глубину 80 метров...

– Думаю, что вымысел, – без тени сомнения отпарентовал Курков. – Действительно, когда строили Мавзолей, наткнулись на древнюю шахту. Но ее засыпали, а само здание «посадили» на железобетонную фундаментную плиту. Посередине сделали квадратный вырез – как раз по размерам лаборатории. Никаких лестниц или лифтов для спуска еще ниже там нет.

– А как все-таки поднимались на Мавзолей члены правительства?

– В коридор они попадали по подземному ходу, который соединял его со зданием Сената. Он существует и сейчас, правда, дверь туда заперта. Добавлю, что уже много лет, как утверждает охрана, никто тоннелем не пользовался.

– Это надо проверить, – задумчиво произнес Сивцов и переключился на Романа Рахматова.

Однако тому похвастаться особо было нечем. В злополучный день в окрестности Красной площади выезжало пять машин «скорой помощи» – все вызовы проверены и подтверждены. Других подозрительных машин не наблюдалось. Выступавшие артисты свою технику не привозили, пользовались предоставленной организаторами. Водители пяти фур, на которых доставили, а затем увезли оборудование и конструкции сцены, заявили, что они лично следили за погрузкой и разгрузкой, и подтверждают, что никаких лишних предметов, тем более крупногабаритных, не добавилось.

– Рабочие на стройке тоже ничего особенного не заметили, – сказал, подытоживая, Роман.

– На какой стройке? – встрепнулся Анатолий.

– На Ильинке реконструируется здание, – ответил Рахматов. – Как меня проинформировали, работы там ведутся круглосуточно.

– Ладно, – устало и с тревогой в голосе проговорил Сивцов. – Судя по всему, подозреваемых у нас пока нет. Самые вероятные на сегодняшний день – кремлевские работники, ученые, артисты, строители, – и, помолчав, добавил: – Ну и, конечно, инопланетяне!

10.

Если доверять только слуху, то могло возникнуть впечатление, что в лаборатории работала, меняя время от времени программы, стиральная машина. Между тем, глаза видели другую картину. Прямо к голове лежащего на высокой кровати лысого и уже достаточно бородастого человека были подсоединены семь проводов всех цветов радуги. Каждый заканчивался небольшим, с горошину, шариком с вмонтированным светодиодом соответствующей окраски. Они беспорядочно мигали, как огоньки на рождественской елке.

Бесстрастное лицо лежащего, освещавшееся разноцветными сполохами, казалось, жило своей, отдельной от тела жизнью. Рядом, на вертящемся стуле с серой обивкой сидел человек со шрамом на скуле, и его белый халат, словно экран цветомузыкальной установки, отражал фантастические пульсирующие огоньки.

– Вы не вспомнили, как вас зовут? – медленно и отрешенно спросил шрамоносец.

Окрасившиеся синим и фиолетовым цветом губы лежащего приоткрылись, и послышалось тихое:

– Нет.

– Вспоминайте: ваше имя Владимир.

– Владимир, – несколько недоверчиво повторил негромкий голос.

– Владимир Ильич Ульянов, – с небольшим нажимом произнес сидящий.

Звук «стиральной машины» изменился, будто включилась центрифуга, быстро набирающая обороты.

– Так звали Ленина, – почти без интонаций проговорил бородастый.

– Правильно, – чуть громче сказал шрамоносец и, повернувшись на стуле, внимательно посмотрел на экран компьютера, от которого тянулся толстый кабель к прибору, действительно, напоминающему стиральную машину, стоящую на постаменте. – Что вы знаете о нем?

– Вождь мирового пролетариата, что делать, с чего начать, чтобы окончательно объединиться, нам надо размежеваться, вчера было рано, завтра будет поздно, – бессвязно пробормотал.

мotal лежащий и после секундной паузы добавил: – Умер в 1924 году, находится в Мавзолее на Красной площади в Москве.

– Хорошо, – одобрительно отметил сидящий. – Что вам известно об Иисусе Христе?

– Спаситель, был распят на Голгофе, про него рассказывают Евангелия, воскрес из мертвых, – отозвался бородатый.

– Вы верите в воскрешение? – темп речи шрамоносца ускорился, быстрее заработала и «центрифуга».

– Не знаю, – ответил пациент и добавил: – Плоть мертва, дух – вечен.

– Смог бы воскреснуть Христос сегодня? – с нажимом спросил человек в белом халате.

Он терпеливо ждал ответа, глядя на огоньки, которые стали мигать на лысой голове подопечного с сумасшедшей скоростью. Наконец, тот неуверенно произнес:

– Для бога ничего невозможного нет. Это второе пришествие.

Сидящий встал и удовлетворительно кивнул. Он еще раз посмотрел на экран компьютера: картинка на нем напоминала два полушария Земли, как их принято изображать на географических картах. Только вместо материков и океанов здесь было огромное число квадратов-кластеров, окрашенных в серые, красные и зеленые тона. Одновременно с ответом на последний вопрос одна из зон поменяла цвет с серого на зеленый.

Вернувшись на место, шрамоносец продолжил беседу:

– Можно ли узнать Спасителя по внешнему виду?

На этот раз ответа не последовало, а по лбу пациента пробежала рябь морщин.

– Хорошо, я вам помогу. Допустимо ли считать, что на иконах изображено подлинное лицо Христа?

– Каждая школа художников представляла его по-своему, – как на экзамене, произнес бородатый. – Иконы нельзя считать портретами.

– Значит, облик Спасителя может быть разным? – с нажимом задал вопрос сидящий.

– Наверное, внешность не главное, – ответил лежащий.

– А что же тогда? Подумайте, что заставляет массы людей идти за той или иной личностью? – на сей раз шрамоносец смягчил голос.

– Он должен предложить им иную, лучшую жизнь? – предположил бородатый.

– Вспомните, кто на протяжении всей истории человечества после Иисуса Христа не только пообещал, но и стал осуществлять это на практике. – Не найдя отклика погруженного в транс собеседника, человек в белом халате уточнил: – Я имею в виду справедливое бесклассовое общество, которое вполне в духе христианства.

– Ленин? – осторожно спросил пациент.

– Будьте уверены, что других примеров мы не найдем, – твердо отчеканил сидящий. – А теперь давайте предположим хотя бы теоретически: мог ли Ленин быть ипостасью Спасителя?

– Наверное, мог, – неуверенно ответил лежащий.

– А если было второе пришествие, то почему бы не состояться и третьему? – наступательно произнес шрамоносец. – Человечество по-прежнему нуждается в пастыре, который помог бы очиститься от скверны.

– Думаю, в этом был бы смысл, – ответил бородатый.

– Если бы все происходило в действительности, то верите ли вы, что возможно воскрешение Ленина, даже по прошествии десятков лет после его физической смерти? – человек в белом халате встал, его голос зазвучал пронзительно в унисон с почти уже воющей «стиральной машиной».

– Да, верю! – неожиданного громко сказал лежащий, и на его огромном лбу выступили сотни капелек пота.

– Вы – Ленин! – почти закричал шрамоносец.

11.

Аномально поздняя осенняя гроза обрушилась на Москву, искромсав зигзагообразными зазубренными ножницами молний тихий теплый вечер. Вспышки одна за другой выхватывали обрамленные красными ореолами лица людей, заполнивших Красную площадь, будто свора фотографов, сверкая бликами, пыталась запечатлеть решающее для человечества событие.

Хлынувший вслед за шумовыми и световыми эффектами грозы проливной дождь, намочив тут и там разбросанные поверх толпы полотнища кумача, сделал их еще больше похожими на свежие сгустки крови.

– Только этого не хватало! – закричал Лиганов, подбежав к окну гостиничного номера. – Никому не расходиться, – распорядился он, обращаясь к высокому средних лет человеку с кожаной папкой в руке, и добавил: – Обращение будет готово с минуты на минуту.

Текст, лежащий на письменном столе, был испещрен пометками, сделанными золотой ручкой с таким же пером – предметом еще из «тех» времен. Поверху шла надпись: «Обращение народа России к президенту и правительству страны».

Человек, которому Георгий Алексеевич дал распоряжение, ушел, а сам лидер партии продолжил редактирование текста, время от времени глядя сквозь заплаканное каплями дождя стекло.

Толпа заметно сжалась, но не потому, что кто-то покинул площадь – люди, вздрагивая от раскатов грома и ежась от низвергающихся с неба прохладных потоков воды, инстинктивно старались придвинуться ближе друг к другу. Зонтов над людским морем почти не было: никто не рассчитывал на столь быстрое изменение погоды, да и метеослужба, как часто бывает, прозевала неурочный разгул стихии.

Голос появившегося на трибуне посланника Лиганова отвлек толпу от продолжающей бушевать грозы. Он прокричал:

– Нам не пристало бездействовать! Наступило время самых решительных мер! Через несколько минут будет готов текст обращения к власти. Мы потребуем навести порядок в стране!

Удар молнии и раскат грома поставили под этими словами огромный восклицательный знак, заставив и самого оратора, и большинство собравшихся вздрогнуть.

Как раз в это мгновение, закончив последнюю фразу, Георгий Алексеевич тоже поставил грозный пролетарский акцент: «Фабрики – рабочим, землю – крестьянам, власть – народу!»

Через четверть часа зачитанное им с трибуны обращение было одобрено участниками многотысячного митинга на Красной площади. От имени народа страны коммунисты требовали пересмотреть итоги грабительской приватизации и завести уголовные дела на всех, кто незаконно завладел собственностью, установить контроль за добычей полезных ископаемых, временно, до проведения национализации, передать в управление рабочим коллективам неправомерно присвоенные частными собственниками предприятия, блокировать в банках личные счета с суммами более ста тысяч долларов, отменить мораторий на смертную казнь...

Гроза продолжалась всю ночь и все же сумела проредить изрядно промокшую толпу. Но дело было сделано: в этот же вечер телевидение дало репортажи с Красной площади, а также с митингов, прошедших во многих городах, где десятки тысяч людей поддержали «Обращение народа России к президенту и правительству страны».

Не отрываясь от экрана, лидер партии «Правое дело» Глеб Полков грустно сказал:

– В этой стране всегда будут возвращаться к тому, с чего начали!

12.

С высоты пятого этажа земля внизу казалась небом, как его рисуют дети. На черном асфальте под лучами заходящего солнца светились золотые звезды кленовых листьев. На щедро разбросавшем их дереве еще оставалось несколько пятипалых желтых ладошек: раскачиваясь, они словно посылали последний привет уходящему теплу.

Сивцов, вернувшийся от генерального прокурора, выглядел удрученным. Он устало смотрел на мостовую, не замечая проносящихся машин и людей. Видел только золотые листья на черном фоне – звезды, которые при желании легко было потрогать руками.

Как можно проникнуть в охраняемый Мавзолей, стоящий у всех на виду, а потом вынести из него внушительных размеров предмет? Только по подземному тоннелю. Эта версия представлялась Анатолию единственно приемлемой, о чем он и сказал «генералу». Но чтобы проверить ее, нужно вторгнуться в святая святых государства: за Кремлевскую стену.

Генеральный взорвался:

– И ты туда же! Мало того, что коммунисты обвиняют президента! Теперь ты собираешься его обыскивать!

– Но в Кремле не только глава государства, – мягко возразил следователь. – Есть разные службы, а в них работают люди, и неизвестно, что у них на уме...

– Даже если ты и прав, представь, какой грохнет скандал, когда вы начнете снимать отпечатки пальцев в кремлевских кабинетах! В нашей ситуации, наоборот, нужно отвести все подозрения от власти, – прогудел шеф, почему-то сменивший в этот день обычный костюм на синий форменный мундир с золотыми звездами.

– Сам Кремль нам пока не нужен, – поспешил успокоить его Сивцов. – Но обследовать тоннель крайне необходимо.

– Боюсь, ничего не получится, – внезапно потухшим голосом произнес генеральный прокурор. – Требуется самое высочайшее разрешение. А в наше время можно ли быть полностью уверенным в подчиненных? Одно дело, если вы ничего не найдете в злосчастном тоннеле, и совсем другое, когда вдруг обнаружится какая-нибудь улика? Это уже дискредитация...

– А как же истина? – выпалил Анатолий.

– Истина мне друг, но Платон дороже, – с горечью промолвил высокопоставленный собеседник. – Сейчас древнее выражение звучит именно так.

Солнце, опустившееся на крышу соседнего дома, нацелилось своим лучом на напольные, в человеческий рост часы в корпусе из красного полированного дерева, и те, словно по команде, начали мелодично отбивать пять часов. Нечаянная музыка явилась кстати: в разговоре наступила короткая пауза.

Когда бой часов затих, генеральный прокурор, откинувшись в удобном кожаном кресле, сказал:

– Хорошо, я поставлю этот вопрос перед президентом.

13.

Сергей Сергеевич Колобов, заместитель руководителя Дирекции по эксплуатации комплекса «Кремль», грузный мужчина с выпученными серыми глазами, немного нервничая, ждал посетителя.

Открыв верхний ящик правой тумбы стола, он внимательно проинспектировал его содержимое, затем достал маленькую вазочку с четырьмя шоколадными конфетами и, будто несколько раз пересчитав их, вернул обратно.

Ровно в пять часов вечера раздался негромкий стук в дверь, и Колобов крикнул:

– Открыто!

Робко вклинивая небольшое, похожее на сдутый мячик тело в приоткрытую наполовину дверь, в кабинет вошел пожилой человек в сером выцветшем плаще и такого же цвета шляпе.

– Вызывали? – спросил он.

– Не то чтобы вызывал, а просто хочу с тобой потолковать, – не вставая из кожаного кресла, ответил Колобов. – Ты раздевайся.

Под плащом у гостя оказался костюм цвета асфальта, по которому проехало бесчисленное количество машин. Пригладив ладонью остатки седых волос, он замер посередине кабинета, готовый внимать словам хозяина.

Тот пристально – сверху вниз и в обратном направлении – ощупал взглядом посетителя, будто видел его впервые, и, наконец, произнес:

– Садись, Борис Палыч, отдохни, небось, тяжело в твои годы тянуть ляжку?

– Сергей Сергеевич, нисколько! – извиняющимся тоном поспешил возразить гость. – Кроме работы у меня ничего не осталось, вы же знаете. Супруга-покойница ночами все зовет к себе, а я не могу...

– Не нравишься ты мне, – вздохнув, сказал Колобов. – После смерти жены опустил. Рубашка мягкая, костюм не глаженный. Вон и пуговица оторвалась, а ты так и ходишь.

– Пришью, Сергей Сергеевич, – подобострастно заверил собеседник.

– Как же, пришьешь...

– Куплю и пришью.

– Знаю я тебя – забудешь. А в нашем ответственной учреждении, между прочим, дресс-код. Слышал о нем? – вальяжно спросил хозяин.

– Не силен в языках, Сергей Сергеевич, – внезапно скукожившийся человечек совсем потерял голос.

– Это форма одежды, которая должна быть строгой и очень приличной, – менторски заметил Колобов, открыл верхний ящик стола, достал оттуда средних размеров пуговицу и протянул гостю. – На вот, возьми, чтоб тебе не бегать по магазинам. И обязательно пришей.

Борис Павлович, как ценнейшую реликвию, осторожно взял двумя пальцами черный кружочек. Казалось, еще миг, и он начнет целовать эту драгоценность. Но хозяин, опередив события, дал ему команду:

– Положи пока в карман и смотри, не потеряй! Дырок нет?

– Что вы Сергей Сергеевич, как можно, – путаясь и краснея, заверил гость и даже вывернул карман. Потом аккуратно положил туда пуговицу и разгладил лоснящийся клапан.

– Ладно, верю, – смягчившись, сказал Колобов. – А теперь – к делу. У меня к тебе особо ответственное поручение.

Гость вытянул шею, готовясь не пропустить ни одного слова хозяина.

– Ты, конечно, знаешь про Мавзолей? – продолжил тот и, не дожидаясь ответа, перешел к сути. – Сыщики добрались до Кремля, что нас, конечно, не радует. Но есть письмо из Генеральной прокуратуры с визой президента: обеспечить допуск следователей в подземный тоннель – думаю, ты знаешь, какой. Завтра они будут там. Твоя задача – до их прихода пройти по тоннелю и внимательно посмотреть, нет ли там какой-нибудь ерунды? Он должен быть совершенно чистым. Даю это задание тебе, потому что доверяю!

Борис Павлович незаметно и облегченно вздохнул: кажется, его отправка на пенсию откладывалась. Сглотнув слюну, он проговорил:

– Спасибо огромное, Сергей Сергеевич! Я оправдаю! Когда начинать?

– Прямо сейчас, не откладывая, – сказал Колобов. – Только учти, дело конфиденциальное. Ни одна живая душа не должна видеть тебя ни у тоннеля, ни в нем. Зайдешь с нашей стороны, за собой закроешь дверь на ключ. Вот он, перед тобой лежит – бери.

– Все сделаю, Сергей Сергеевич, – поспешил ответить гость, аккуратно взяв со стола массивный, из медного сплава ключ. – А если там ничего не будет?

– Вернешься обратно, ключ отдашь завтра, – проинструктировал хозяин.

Маленький человек, подумав, положил медный стержень с фигурной «бородкой» в другой карман – не туда, где лежала пуговица. Он уже двинулся к вешалке, собираясь одеться и уйти, как его остановил голос Колобова:

– Давай по коньячку на дорожку. Ты, думаю, такого никогда не пробовал!

Он открыл сейф, достал начатую бутылку «Хенесси», две стопки и поставил их на стол. Затем рядом появилась вазочка с конфетами.

Борис Павлович растерялся:

– Сергей Сергеевич, это для меня такая честь, такая честь! – Его глаза увлажнились и стали часто-часто мигать.

– Не раскисай! – оборвал его хозяин. Откупорив бутылку, он щедро, до краев разлил коньяк и позвал гостя. – Подходи, давай выпьем за то, чтобы все прошло хорошо!

Борис Павлович почти подбежал к столу, бережно взял хрустальную стопку и, убедившись, что Колобов уже начал пить, стал медленно вливать в себя ароматную жидкость. Он еще несколько секунд держал пустой сосуд в руках, всем видом показывая, какое ему привалило счастье – попробовать божественный напиток, да еще налитый самим начальником!

Колобов вернул его в действительность словами:

– Давай, закусывай! – и подвинул вазочку поближе к маленькому человечку. Заметив его вопросительный взгляд, добавил:

– На меня не смотри, ты же знаешь – диабет.

Борис Павлович развернул конфету и не менее бережно, чем коньяк, целиком отправил ее в рот. Сделал он это, чтобы не запачкать шоколадом пальцы и потом не облизывать их на глазах у хозяина.

– А теперь топай, – почти равнодушным тоном сказал тот, когда гость проглотил остатки лакомства. – Никуда не заходи, нигде не задерживайся.

Борис Павлович быстро стянул с вешалки шляпу и плащ и, не надевая, тихонько выскользнул из кабинета, успев сказать:

– Спасибо, Сергей Сергеевич, вы для меня столько делаете. Я не подведу. До свидания!

Колобов не считал нужным отвечать, а когда за посетителем закрылась дверь, положил оставшиеся конфеты в прозрачный пакетик, сунул его в карман и стал собираться. Через две минуты окно его кабинета погасло.

14.

Кроме коммунистов никто не предпринял никаких действий, которые бы как-то указывали на отношение к происходящему. Казалось, что все другие политические силы выжидали: а что скажет по этому поводу президент?

Спустя три дня он, наконец, выступил по телевидению.

Сивцов как раз к тому времени добрался до своей холостяцкой квартиры в Чертаново и включил старенький «Шарп». Выбрасывать его он не собирался: пока показывает, пусть работает, к тому же искать новый «ящик» у него просто не было времени. Правда, телевизор в последнее время, не жалея, разливал по экрану красный цвет, будто его завербовали коммунисты. Вот и сейчас лицо президента выглядело багровым, словно его окончательно вывели из себя, что, впрочем, скорее всего, соответствовало действительности.

– Ленин, безусловно, принадлежит истории нашей страны, – произнес он, – И вычеркнуть его невозможно, да и не надо. Однако в сегодняшних реалиях исчезновение его тела из Мавзолея мало что меняет. И мы не хотим чтобы в России сложилась ситуация, описанная древним

изречением: мертвые тянут за собой живых. Страна не должна возвращаться к прошлому, которое кое-кому представляется идеальным. Но разве мало было беззакония и в первые годы Советской власти, и в эпоху, как ее называли, развитого социализма?! Именно поэтому нельзя принимать ультиматум, предъявленный нам Объединенной коммунистической партией.

«А что, собственно, изменилось сейчас», – подумал Анатолий. Он лучше простых обывателей понимал, что закон так и остался во многих случаях абстрактным понятием. По большому счету, конечно, надо бы разобраться, почему, «кто был никем» неизменно становится «всем»?

Президент продолжал:

– Думаю, что несправедливо с правовой точки зрения и в морально-этическом плане скопом считать преступниками всех, кто добился успехов в бизнесе. Хотя я согласен, что в этой сфере не должно быть неприкосновенных персон. Если есть факты, что богатства нажиты преступным путем, они должны рассматриваться судами, а виновные – нести наказание. У нас такие примеры уже есть, кое-кто из так называемых олигархов сидит в тюрьме, других, успевших удрать за границу, мы надеемся вернуть на родину и предать суду. Но расправ с «врагами народа», как практиковалось в тридцать седьмом, и чего ныне жаждут коммунисты, не будет. России не нужна ни гражданская, ни любая другая война.

Сивцов вспомнил своего одноклассника, у которого теперь охрана, наверное, такая же многочисленная, как у главы государства. Ничем особым Славка не блистал, после школы родители определили его в заурядный финансовый институт. Он окончил вуз с грехом пополам, а потом кис в конторе, занимавшейся статистикой. Не виделись они очень давно, с тех пор, как будущий олигарх занял у Толика хоть и не очень большую, но ощутимую для него сумму. «Может, с этого первоначального капитала и началось его восхождение?» – с грустью подумал Сивцов.

Еще в памяти всплыл хитрый прием: им Славка зарабатывал деньги еще в школе. Он выбирал мальчика, у которого водились купюры, и с простодушным выражением предлагал:

– Давай поспорим на рубль: если ты мне дашь пятерку, я сразу верну тебе червонец. Не фальшивый!

Многие, думая о быстром обогащении и придя к выводу, что подвоха, вроде, нет, соглашались. И когда Славка брал пять рублей, он, сокрушенно качая головой, скорбно произносил:

– Тебе повезло, старик, – я проиграл. – Он засовывал пятерку в карман, доставал оттуда заранее приготовленный рубль и протягивал обескураженному спорщику.

Все было, как говорится, шито-крыто – не подкопаешься: спорили-то на рубль!

Посмотреть на коронный номер сбегались многие ребята: представление того стоило. Одна растерянная физиономия очередного одураченного «клиента» вызывала дикий хохот.

Наверное, и во взрослой жизни, когда Славка вскользя в бизнес, он пользовался подобными приемами, чтобы сколотить состояние.

«Хотя кто так не поступал в те годы?» – подумал Анатолий. Поэтому собственно, он и ушел тогда с завода, попросившись на работу в районную прокуратуру. Все эти откаты – рубль пишем, сто в уме, себе в карман, – вызывали у него отвращение. Несколько раз он отказывался визировать договоры, в которых явно чувствовалась скрытая выгода руководства, из-за чего ему сначала стали намекать о несоответствии занимаемой должности, а потом и просто угрожать – мол, вылетишь с «волчьим билетом», и даже в нотариальную контору не возьмут. Еще веря в то, что любое преступление должно быть наказано, он написал в генпрокуратуру письмо, где описал все «двойные тулупы» своих начальников. Но им же и поручили разобраться изложенные факты. Сивцов не стал дожидаться расправы и ушел сам.

От зарубцевавшихся воспоминаний его отвлекли слова президента, непосредственно затрагивающие его сегодняшнюю работу:

– Правоохранительные органы серьезно занимаются расследованием дела, связанного с исчезновением из Мавзолея тела Ленина. Хочу со всей ответственностью заявить, что у власти не было ровным счетом никакого мотива на такие действия, особенно сейчас, накануне выборов в Государственную думу. Думаю, мы скоро установим имена виновных, разберемся, зачем им понадобилось будоражить страну?

«А как мы их найдем? – подумал Сивцов. – Ни одной улики, ни одной зацепки! Да и вообще непонятно, кому все это понадобилось?»

Будто прочитав его мысли, президент горячо произнес завершающую фразу:

– Хочу призвать всех, кто воспользовался ситуацией, чтобы накалить обстановку, хорошо подумать и вернуться к нормальной жизни. Во всяком случае, расследованию это не поможет. Не удастся и выкрутить руки власти, заставив ее принять условия ультиматума. Мы не пойдем на возврат к старому, под чьим бы знаменем и именем такой поход не затевался. Как говорится, мухи отдельно, котлеты отдельно. В данном случае история, даже если говорить о такой величине, как Ленин, – это история, и не нужно проецировать ее на современную жизнь с ее сложнейшими проблемами, – это контрпродуктивно.

Анатолий выключил телевизор и стал разбирать постель. Хотя гости в его доме случались редко, но, даже внезапно нагрянув, они заставляли идеальный порядок, который постоянно поддерживал хозяин. Ему казалось, что стоит только положить одну-единственную вещь не на свое место, как в его жизни начнется кавардак.

Сивцов разделся и вытянул тело на кровати. «В безвыходных положениях сон может все расставить по своим местам», – мысленно напомнил он себе выработанное годами правило.

Он уснул сразу и в грезах увидел Ленина, как ни странно, живого. Тот продемонстрировал свою знаменитую улыбку, напялил кепку и многозначительно сказал:

– Товарищи, ситуация вынуждает меня уйти в подполье!

15.

Юрий Курков, сменивший на Красной площади Антона Корицкого, старался понять, чего все-таки хотят собравшиеся здесь люди. Он смешался с толпой и спустя полчаса почти не отличался от тысяч других. Сыщик прищипил к карману куртки выданный ему красный бант, и когда все вокруг начинали скандировать «Верните Ленина России!», он горланил в унисон с ними.

Еще через час Юрий почувствовал, что начинает думать так же, как окружающая его толпа. Впрочем, это было обычным приемом, освоенным на курсах психологического тренинга: постараться, как говорится, влезть в чужую шкуру и проникнуть в сознание тех, кто оказался замешанным в преступлении.

Постепенно он пробрался к трибуне. Место, которое удалось занять, оказалось удобным для детального осмотра. Во время их короткой встречи с Антоном тот устало сказал, что никаких подозрительных фраз и даже намеков в выступлениях коммунистов не заметил. «Не там ищем!» – подытожил он.

Терять зря время Юрию тоже не хотелось, но надо было добросовестно отработать свои шесть часов, выполняя задание руководства. На всякий случай он предварительно положил в карман плоскую металлическую фляжку с коньяком – для «сугреву».

Выступления звучали все реже – главное было уже сказано. А время от времени звучавшие речи лишь повторяли уже слышанное с одной только целью – не допустить «охлаждения» толпы, поддержать ее «градус».

Как раз в тот момент, когда Юрий приблизился к трибуне, микрофон взял Лиганов, только что спустившийся на площадь из гостиницы. На холодке лицо его слегка поддурманилось, что, однако, только пошло на пользу: лидер выглядел взволнованным происходящими

событиями. Смысл его краткой речи сводился к тому, что надо стоять на своем до последнего, несмотря на предательство властей, которые проигнорировали законные требования народа.

Стоящие рядом тетки пронзительно закричали: «Не уйдем!»

Однако большинство других собравшихся уже не так страстно поддерживали вождя. То тут, то там завязывались разговоры, кое-кто, подогретый «боевыми ста граммами», уже откровенно травил анекдоты, к балагуру тянулись люди, уставшие от долгого стояния на площади.

К одному из таких «кружков» прибилась и Курков. Он достал записку, сделал большой глоток и предложил фляжку соседу – мужчине пенсионного возраста в потертом пальто мышинного цвета. Тот с благодарностью отпил немного, вытер горлышко рукавом и вернул сосуд Юрию.

Тем временем человек лет тридцати, завладевший вниманием мини-аудитории, рассказывал байку об американском президенте:

– Усама Бен Ладен сидит в самом роскошном номере самого престижного отеля Нью-Йорка и звонит Джорджу Бушу. «Ну, смотри, как хорошо получилось: рейтинг я тебе поднял, военный бюджет удвоил, талибов разгромил. Может, подкинешь еще пару классных идей, вроде той, с самолетами?»

«Кружок» одобрительным смехом поддержал анекдотчика, и тот, воодушевленный, громко спросил:

– А вы знаете, почему у Америки, собирающей лучшие умы мира, такая идиотская внешняя политика? – потом выждал паузу и сказал:

– Потому что президентом США вправе стать только человек, родившийся в Америке!

– Правильно, – быстро отреагировала женщина в черной меховой жакетке и коричневой плиссированной юбке.

Балагур опять несколько секунд помолчал и снова спросил:

– Хорошо, тогда ответьте мне, чем отличались большевики от коммунистов?

– Ну, это еще в фильме «Чапаев» звучало, – недоверчиво произнес человек в потертом пальто.

– Но Василий Иванович тогда не сумел ответить, а я – смогу, – уверенно произнес тридцатилетний. – Так вот: большевики видели Ленина живым, коммунисты видели его в гробу, а нашим остался только гроб!

Окружающих будто ошпарило. Они открыли рты, но не могли сказать ни слова, пораженные наглостью такого, казалось бы, симпатичного парня. Наконец, человек в потертом пальто прошипел:

– Ты! Провокатор! Да я тебя, – он уже готов был замахнуться, но тетка в плиссированной юбке прокричала:

– Гоните его! Мразь!

Весь «кружок» придвинулся к анекдотчику, и с разных сторон понеслось:

– Как ты смеешь!

– На святое замахнулся!

– Вон отсюда!

Но балагур, не переставая улыбаться, уже и сам начал пятиться, а затем, повернувшись, быстро скрылся в толпе.

Юрий вдруг почувствовал неприязнь «соратников» и к собственной персоне. И этого следовало ожидать: возрастом он явно отличался от прочих членов «кружка».

«Потертый», сверля его глазами, словно отлитыми из победита, строго спросил:

– Ты тоже будешь ёрничать?

– Нет, что вы, я не из таких, – поспешил успокоить его Курков.

– Смотри, нас не обманешь! – чуть смягчил «тугоплавкие» глаза пожилой сосед, видимо, вспомнив, как Юрий угощал его коньяком.

Но тот уже понял, что утраченного доверия не вернуть. Потоптавшись минут пять среди людей, для которых он так и не стал своим, сыщик решил сменить место дислокации.

Уже через пятьдесят метров от покинутого им места он заметил нового тридцатилетнего человека, очень похожего на предыдущего. Тот тоже старался завладеть вниманием «кружка» из десятка человек бойкими, но ничего не значащими фразами.

Юрий решил со стороны понаблюдать за развитием событий. Но оказалось, что пришел он к самой кульминации. Выждав момент, новый балагур громко сказал:

– Ленин жил, Ленин жив, – нет глупее лжи!

Такая же, как в первый раз волна негодования заставила его ретироваться.

Юрий решил двигаться дальше, и еще несколько раз ему попадались тридцатилетние люди, которые провоцировали толпу.

«Кто они?» – задал он себе вопрос и после очередного изгнания провокатора пошел за ним следом. Неутомимый балагур еще в пяти местах взбудоражил толпу, причем рассказал точно такой же анекдот, как первый провокатор.

Наконец, он выбрался из людского озера и устремился к гостинице «Россия» и там вскочил в микроавтобус, где уже сидели два человека. Весь путь Курков проделал за ним.

Он решительно подошел к машине и открыл дверь.

– Ну, как? – встретил его вопросом один из тройки, у которого из-под утепленного темно-синего плаща выглядывали лацканы дорогого пиджака и однотонный малинового цвета шелковый галстук. Он выглядел лет на двадцать старше других.

– Возмущаются, – уклончиво ответил Юрий.

– А чего ж еще от них ждать! – заметил старший и сделал широкий жест. – Ладно, садись, наливай кофе, бери бутерброды.

Юрий сел на свободное место, отыскал глазами поднос на соседнем кресле, где стояли пластиковые стаканчики, термос и лежала целая гора нарезанных ломтиков батона, накрытых ветчиной, копченой рыбой и даже икрой. Он аккуратно налил кофе и, поколебавшись, взял бутерброд с лососиной.

За своего его приняли, видимо, благодаря внешности. «У Антона бы такой номер не прошел – не тот наряд», – удовлетворенно подумал Курков, отметив, что его разборчивость в одежде не раз помогала ему находить контакт с людьми.

– Ладно, посидите, погрейтесь, а потом сделаете еще одну ходку. И тогда – по домам, – распорядился старший и, немного помолчав, спросил:

– Придумали что-нибудь новенькое?

– Можно предложить разгадать загадку, – бойко проговорил парень с зачесанными назад пепельными волосами.

– Попробуй, – разрешил старший.

– Стоит терем-теремок, он не низок, не высок, в теремке лежит злодей, погубивший тьму людей! – продекламировал «зачесанный».

– Неплохо, – оценил человек в плаще. – Не боишься, что побьют?

– Кто? Стариканы? – искренне удивился мастер «загадок». – Честно говоря, была б моя воля, я их разогнал бы просто: попрыскал любимым дедушкиным «шипром» из мощного пульверизатора, и вся толпа умылась бы. – Но, заметив протестующий жест старшего, он примирительно заметил:

– Все, не буду. Я знаю указание: никого не трогать, разлагать изнутри. Хотя не сильно этому верю. Что-то, по-моему, в политсовете перемудрили.

– А ты как думаешь? – обратился старший к Юрию. – Кстати, никак не могу запомнить, как тебя зовут?

– Юрий, – ответил Курков, решив не скрывать своего настоящего имени. – Работаю в «Гамма-банке».

– Да, знаю, там достаточно наших людей, – сказал человек в плаще. – Увидишь шефа, передавай от меня привет: мол, Аркадий Иосифович Шацкий кланяется.

– Это почти невозможно, у нас жесткая иерархия, – отозвался Юрий, который уже начал понимать, что оказался в лагере партии «Правое дело». Он поморщил лоб и, наконец, сказал:

– Мне вообще непонятно, кому и зачем понадобилась такая заваруха? Одно дело – похоронить Ильича, и совсем другое – красть его.

– Ну, это уже пусть следователи разбираются, – уклончиво ответил старший. – Думаю, что рано или поздно труп найдут. Вот только кому он нужен сейчас, этот Ленин?!

16.

У тяжелой металлической двери Борис Павлович остановился отдышаться. Он с трепетом относился ко всему, связанному с партией и правительством, да и по-другому было нельзя: на работе в Кремле держали только самых проверенных людей, для которых служение высшим хозяевам стало смыслом всей жизни.

Сюда его взяли из войск НКВД, боровшихся на Украине с остатками бандитских группировок. Новобранец, только что окончивший курсы и получивший маленькую звездочку на погоны, сразу же пошел в гору. Помог ему в этом небольшой рост – Боря легко и бесшумно проникал в «схроны» бандеровцев, похожие на лисьи норы, закладывал там мины и так же незаметно выскальзывал наружу. Бойцам оставалось только ждать, когда сработает «сюрприз». Слухи о бойце-таксе, благодаря которому были уничтожены десятки бандитов, быстро дошли до командования. Борис Павлович получил орден «Красной звезды», а когда с бандеровцами покончили, уже служил в звании капитана.

Он мог остаться на периферии, если бы не приглянулся командиру бригады, а у того была дочь на выданье. Такой же низкорослый, как Боря, полковник, который терпеть не мог людей выше себя ростом, задался целью женить Борю на своей единственной «дюймовочке». Свадьбу сыграли по-украински шумно – с горилкой и огромным количеством помидоров, а медовый месяц довелось провести уже в Москве: тесть-командир получил назначение в столицу, да еще и в Кремль! Не удивительно, что он потянул за собой и зятя, полюбившегося за покладистый характер и еще за то, что на него не надо было смотреть снизу вверх. Так Борис оказался в службе охраны самых главных и секретных в стране трех десятков гектаров за зубчатыми кирпичными стенами. Постепенно смелость, которой он прославился в войсках, уступила место взвешенности, а затем, после многих лет службы от нее не осталось и следа: система, построенная на беспрекословном подчинении и унижениях, превратила бесстрашного бойца в пугливого исполнителя воли начальства. Тесть, рано скончавшийся от инфаркта, не успел продвинуть Бориса по службе, и тот вышел в запас с незаметной должности всего-то в звании майора. Однако безукоризненная исполнительность помогла ему получить место в хозяйственном управлении, названном впоследствии Дирекцией по эксплуатации комплекса «Кремль», где он задержался на долгие годы. И сейчас угроза выхода на пенсию вызывала у него гораздо больший страх, чем в молодости, когда приходилось вползать в логово врага.

Тоннель, который Борису Павловичу предстояло осмотреть, был ему хорошо знаком. Перед демонстрациями на Красной площади доводилось тщательно обследовать этот подземный ход, чтобы предотвратить покушения на руководителей партии и правительства. Но спрятать там взрывное устройство вряд ли представлялось возможным: голые стены из гранита, похожего на облицовку Мавзолея, открытые светильники, полное отсутствие каких-либо ниш или закоулков. Правда, однажды пришлось ловить непонятно как залетевшую сюда летучую мышь, с писком проносившуюся над головами охраны. Послали даже в одну из частей за маскировочной сетью, и когда она была растянута, обезумевший от преследований зверек запутался в ее ячейках. Мышь сожгли, рассудив, что ее, зараженную бешенством или еще более

страшной болезнью, могли внедрить для атаки на вождей государства иностранные разведки или враги народа. Произошло это в тот год, когда спустя пять с лишним месяцев отстранили от власти Хрущева.

Борис Павлович осторожно вставил в замочную скважину ключ и повернул его три раза. Особых усилий не понадобилось: хорошо смазанный когда-то механизм до сих пор работал отменно. Открыв дверь, маленький человек нащупал справа от нее выключатель и щелкнул им. Тоннель, уходящий далеко вперед с изгибом, не позволявшим видеть его конец, осветился люминесцентным сиянием.

Так же бережно Борис Павлович закрыл дверь и запер ее изнутри. Он погладил рукой прохладную поверхность стены и вздохнул. Ожидание чего-то непонятного и страшного на миг сковало его движения, и только прочно засекая в молекулах крови ответственность за порученное дело заставила его пойти вперед. Он шел, по-стариковски шаркая, и эти звуки напоминали движение усталого паровоза, с трудом преодолевающего длинный тоннель.

Несмотря на то, что подземным ходом долгое время никто не пользовался, он был довольно чист. Да и откуда здесь взяться пыли, если наружу имелись только два выхода, да и те герметично запирались?! Борис Павлович кашлянул, и эхо хлыстом вернуло ему ответ.

Сколько же известных людей прошло этой дорогой, начиная со Сталина, по чьему распоряжению и прорыли тоннель?! На демонстрации по нему ходили по строго заведенному регламенту: впереди – охрана, затем, по рангу, самые высокие чины государства и, наконец, процессию завершали сотрудники органов. Во времена Хрущева шли, разговаривая и балагурия, изредка даже весело матерясь. Праздничное настроение немного оживляло аскетическую строгость подземного сооружения. При Брежневе, наоборот, двигались в строгом молчании, каждый был сосредоточен на чем-то своем. Андропова и Черненко проводили по тоннелю, поддерживая за локти, медики, готовые в любую минуту оказать больным и престарелым лидерам первую, а, может быть, и последнюю помощь. Горбачев вообще проскакивал подземелье с ходу, иногда, правда, останавливаясь, чтобы сделать какие-то распоряжения, вдруг пришедшие ему в голову.

Сейчас же в тоннеле находился только одинокий старик, похоронивший жену, которая так и не подарила ему детей. Смерть командира-отца застала ее на шестом месяце беременности, и переживания были столь глубоки, что повлияли на плод. Выкидыш случился с большими осложнениями, и хотя доктора спасли супругу Бориса Павловича, мечты о потомстве стали несбыточными.

Он прошел половину тоннеля, когда почувствовал, что задыхается. «Неверное, воздух спертый, – подумал Борис Павлович, – давно не проветривали». Он немного сбавил темп, от чего стал еще сильнее шаркать. Ничего необычного, а, тем более, подозрительного он не заметил, но решил не останавливаться на полпути, а пройти тоннель до конца, который стал виден после поворота. Но как ему ни хотелось, нельзя было открывать там дверь, чтобы глотнуть свежего воздуха – мало ли кто увидит! А дело-то конфиденциальное!

Борис Павлович преодолел еще шагов триста, как вдруг ощутил головокружение. Ему показалось, что сердце сбилось с ритма – то колотится, как сумасшедшее, то замирает. Еще через пятьдесят шагов он понял, что дальше идти не может: такой слабости и боли в груди он не чувствовал никогда в жизни, хотя сердце, особенно в последние одинокие годы, пошаливало. Старик прислонился спиной к стене и рукой, которая внезапно онемела и перестала слушаться, попытался залезть во внутренний карман пиджака, где лежала пластинка с шариками нитроглицерина. Но рука так и осталась рядом с сердцем, вдруг взорвавшимся жгучей болью. Молотками застучали в голове последние бешеные удары сердца. Тело Бориса Павловича обмякло и сползло по стене вниз. Он успел мысленно закончить фразу, давно заготовленную для такого момента: «Ну вот, Зиночка, скоро будем вместе!»

Он лежал в неудобной для живого человека позе, с закрытыми глазами и подобием улыбки на лице, которое все больше впитывало синеватый безжизненный свет люминесцентных ламп.

17.

С самого утра Владимир Ильич был предоставлен самому себе. Доктор, к которому он уже привык, отменил сеанс терапии на «стиральной машине» и уехал по каким-то неотложным делам. В распоряжение пациента попал весь большой дом. Правда, несколько комнат оказались запертыми, а оставшиеся – пустыми, если не считать обыкновенных стандартных кроватей и тумбочек, стоявших около них. В одном из таких номеров с аскетической обстановкой и жил сейчас Ленин, а в лабораторию, тоже сейчас закрытую, его отводили только на сеансы лечения.

Он близко сошелся со своим постоянным куратором, представившимся Тимофеем Николаевичем. Каждый вечер они расставляли шахматные фигуры и играли почти до полуночи, причем чаще побеждал Владимир Ильич. Ему даже не приходилось напрягать память, чтобы вспомнить продолжение того или иного дебюта – сами собой в мозгу возникали уже наигранные многими шахматистами ходы. «Странно, – поначалу думал он, – второстепенное сохранилось, а главное – испарилось».

Владимир Ильич спустился на первый этаж, где находился довольно просторный холл с большим полированным столом и стульями с мягкими сидениями, обтянутыми серо-зеленой материей. По обе стороны от него стояли два мягких дивана с такой же обивкой. Вдоль третьей стены тянулся стеллаж с книгами, а в четвертую было врезано окно, забранное решетками.

Владимир Ильич подошел к тяжелой, скорее всего, дубовой двери, расположенной рядом с диваном, и попытался толкнуть ее. Он был готов к тому, что та не откроется: Тимофей Николаевич предупредил его, что в целях безопасности Ленину лучше не выходить из дома, а посему его запрут.

Владимир Ильич не обиделся, он сел на диван и стал думать об удивительных открытиях, с которыми столкнулся в странной клинике. Он уже искренне верил в то, что с ним действительно произошло чудо, но все же какая-то одна самая упрямая клеточка мозга нашептывала ему: «Это сон...».

«Может быть, я и в самом деле сплю, – подумал он. – Но в таком случае, какой нынче год? Если двадцатый, то откуда все эти замысловатые приборы? Хотя во сне что только не пригрезится. А может, времени прошло куда больше? Но не могу же я видеть сон, лежа в Мавзолее!»

Он встал и прошелся, чтобы убедиться в том, что все происходит наяву и ему ничего не мерещится. Чувствовал, как пружинят ноги, вытягивал и сгибал в локтях руки, даже покрутил головой, чтобы удостовериться, что не спит.

Проходя мимо стеллажа, Владимир Ильич обратил внимание на открытую и положенную поверх стоящих в ряду книг серую брошюру. Он взял ее и прочитал название: «Лев Яковлевич Карпов. Сборник статей и воспоминаний». Издание датировалось 1928 годом. Ленин задумался: «Это уже после моей смерти». От проплывшей в мозгу фразы ему стало как-то не по себе: казалось, его, как в воронку, затягивает какая-то неумолимая сила. Чтобы отвлечься от странного ощущения, он начал читать подчеркнутые кем-то строки на странице, где была открыта брошюра. Там цитировались слова члена Президиума Высшего Совета народного хозяйства Л.Я.Красина:

«Наука, не останавливаясь на том, чтобы только лечить, восстанавливать здоровье заболевшего организма, уже ставит вопрос о произвольном создании пола, об омоложении и т. д. Я уверен, что наступит момент, когда наука станет так могущественна, что в состоянии будет воссоздать погибший организм. Я уверен, что настанет момент, когда по элементам жизни

человека можно будет восстановить физически человека. И я уверен, что, когда наступит этот момент, когда освобожденное человечество, пользуясь всем могуществом науки и техники, силу и величие которых нельзя сейчас себе представить, сможет воскрешать великих деятелей, борцов за освобождение человечества».

Владимир Ильич был потрясен. «У них получилось! – подумал он. – Они сделали это ради освобождения человечества».

Ленин начинал понимать, к какой миссии его готовили. «Миссия» и «мессия», в принципе, одно и то же, – рассуждал он. – Значит, есть огромный смысл в том, что Иван Иванович связал воедино Христа и Ленина».

Теперь его уже не затягивало в воронку, наоборот, Владимир Ильич почувствовал, будто тело раздается во все стороны, становится всеохватным. Оно поднимается легким ветерком и парит над землей.

Он долго скользил взглядом по полкам стеллажа, пока, наконец, не нашел внезапно понадобившуюся ему книгу. На черной обложке сияли золотом буквы «Новый Завет и Псалтирь».

Полистав томик с конца, он остановился на странице со словами: «Откровение святого Иоанна Богослова». Взгляд его задержался на фразе: «Я есмь Первый и Последний, и живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти».

Владимир Ильич внимательно прочитал до конца произведение, которое показалось ему очень знакомым. Но на этот раз память ничего не подсказывала, где и при каких обстоятельствах он познакомился с «Апокалипсисом».

В конце он обратил внимание на то, как совпадает одна из фраз с тем, что он прочел в брошюре о Карпове. В «Откровении», где говорилось о Новом Иерусалиме, было написано «Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою».

«Но что я могу сделать для людей? – эта мысль прервала полет, который он до сих пор ощущал. – Очевидно, что человечество нужно спасать. Но оно настолько запуталось в своих проблемах, что вряд ли хватит сил у одного человека все их решить».

Что-то опять начало беспокоить Ленина. Он долго пытался понять, что именно, и, наконец, сформулировал вопрос, который и пугал, и в то же время приносил блаженство:

«А человек ли я?»

18.

Анатолий проснулся рано, почувствовав в теле бодрость и готовность идти хоть на край света за разгадкой головоломки, подброшенной Мавзолеем.

Наскоро перекусив стандартной яичницей и выпив большую кружку черного кофе, он принялся чистить зубы. Делал Сивцов это, как, впрочем, и почти все другое, по собственной «методе». Когда-то рассудив, что более всего нуждаются в белизне передние резцы – все-таки «витрина» лица, – он уделял им повышенное внимание. Еще свежей пастой тщательно тер их – сверху вниз снаружи и изнутри. По каждой паре зубов щетка проходила ровно пятнадцать раз. Поначалу Анатолий даже вел счет. Но потом уловил в «считалке» определенный ритм, полностью совпадавший с народными частушками. Он напевал: «Сидит Ваня у ворот, широко разинув рот. И никто не разберет, где ворота, а где рот», – и четыре зуба были почищены. Но к передним он обращался еще восемь раз: шоркал их, когда двигался по наружной стороне верхних зубов от щеки справа, потом слева, затем то же самое проделывал с нижней челюстью и, наконец, все эти процедуры повторялись на внутренней стороне зубов. Их чистка заодно служила для тренировки памяти: каждое утро требовался почти десяток частушек, и Сивцов старался менять репертуар. Вот и сегодня он вспомнил очень старое «кавказское» четверости-

шие, которое слышал еще в юности: «На горе стоит ишак и мигает правый глаз. Почему он не идет? Негде делать поворот!»

Это стало заключительным «аккордом»: ему «подпел» звонок мобильного телефона. Быстро вытерев губы, Сивцов пошел отвечать. В трубке загудел голос генерального прокурора. Тот приходил на работу ни свет ни заря, наверное, специально, чтобы раздавать ранние поручения подчиненным, где бы они не находились.

– Кремль пошел нам навстречу, – сказал он. – Так что можешь обследовать тоннель.

Анатолий, который стоял в трусах, даже подпрыгнул от приятной и неожиданной новости. Начальник продолжал:

– Только не бери много людей, обойдись минимумом. А понятых они из своих дадут. Так что в девять тридцать тебя будут ждать у Мавзолея. Должен успеть!

– Конечно, я уже готов, – поспешил заверить Сивцов. – Спасибо вам, товарищ генпрокурор!

– Да ладно тебе с чинами. Ты дело делай! А теперь – будь здоров, – и начальник отключился.

Анатолий еще раз подпрыгнул, и если бы кто-то увидел его в сей пикантный момент с оголенными худыми ногами, то сразу окрестил бы кузнечиком. Впрочем, самому прыгуну это было совершенно безразлично. Он быстро прополоскал рот, оделся и стал спускаться по лестнице, на ходу названивая одному из самых лучших в прокуратуре криминалистов.

За десять минут до условленного времени он уже шел по Красной площади, где толпа, хотя и несколько поредела, но все еще оставалась внушительной. Правда, как заметил Сивцов, глаза у большинства людей выражали усталость: казалось, они уже перестают верить в то, что Ильича вернут в его усыпальницу.

Когда собравшиеся начали скандировать, хотя и не так энергично, как в первые дни, – «Верните Ленина России!» – Анатолий уже находился рядом с самым приземистым зданием на Красной площади. Там его ждали три человека в темно-серых пальто.

– Вы Сивцов? – спросил полный мужчина с глазами навывкате и, получив утвердительный ответ, представился, – Сергей Сергеевич Колобов, заместитель руководителя Дирекции по эксплуатации комплекса «Кремль». Со мной наши рядовые сотрудники, будут понятыми.

Подумав, он решил, что вовсе не обязательно называть их фамилии и должности. Как раз в этот момент появился криминалист – высокий худой мужчина с вьющимися рыжеватыми волосами.

– Николай Петрович Кичкайлов, следопыт с большой буквы, – представляясь, сострил он.

– Ну, если все в сборе, то можно идти, – не отреагировав на шутку, строго сказал Колобов.

Они вошли в заранее открытый служебный вход Мавзолея и оказались в достаточно просторном помещении. К одной из его стен уверенно направился Колобов, на ходу вынимая внушительных размеров ключ. Вставив его в скважину и провернув три оборота, он начал тянуть на себя дверь. Внезапно по его лицу пробежала гримаса недоумения.

– Что-нибудь не так? – спросил Сивцов.

– Свет здесь не должен гореть, – ответил Колобов. – Неужели забыли выключить? Это же такое расточительство!

Наконец, он до конца распахнул дверь, и всем бросилось в глаза яркое сияние десятков люминесцентных ламп, заливавшее тоннель. А впереди, метрах в двухстах – серый бесформенный комок.

Сивцов понял, что пришло его время командовать.

– Понятые, за мной! – громко произнес он и быстрым шагом направился к цели, которая – он не сомневался – была трупом человека. На мгновение промелькнула мысль: «Неужели все так просто?»

Но через пару минут стало ясно: мертвое тело, действительно, есть, но оно не принадлежит Ленину. Подошедшие понятые сразу опознали труп, заявив, что это рядовой сотрудник хозяйственного управления Борис Павлович Яночкин. Их информацию подтвердил и сам Колобов, который преодолел дистанцию последним.

– Как он мог сюда попасть?! – спросил он неизвестно кого.

Но Сивцов, не задумываясь, дал ему понять, что расследование ведет именно он.

– Вопросы стану задавать я. И первым на них будете отвечать вы. Но не сейчас. В данный момент нужно вызвать судмедэксперта.

Колобова как-то передернуло, но он, смирившись, согласно кивнул.

Пока Анатолий связывался со специалистом, криминалист сделал несколько снимков, внимательно осмотрел место происшествия, а затем аккуратно проверил содержимое карманов покойника. Из них были извлечены потертый рыжий бумажник с паспортом и двумя тысячами рублей, блистер нитроглицерина, шариковая ручка, пластмассовая расческа, черная пуговица и, наконец, ключ – точная копия того, которым открывал дверь в тоннель Колобов. Все это Кичкайлов разложил по пластиковым пакетам и запечатал.

Больше всего Сивцова заинтересовал ключ. Он придвинулся к Колобову. Тот стоял у стены и, видимо, просчитывал последствия происшествия для своей карьеры.

– Вам знаком этот ключ? – спросил Анатолий, демонстрируя стержень в прозрачном конверте.

– Конечно, он точно такой же, как и мой, – показывая свой ключ, поспешил ответить Сергей Сергеевич, а затем добавил. – А иначе как бы Яночкин попал сюда?!

– Сколько существует экземпляров ключей? – с нажимом произнес Сивцов.

– Всего два: один у меня, а второй хранится в сейфе, – четко произнес Колобов. – Кстати, можем пойти и посмотреть – на месте ли он? Дело в том, что Яночкин к сейфу доступа не имел – только начальник и я.

– А это далеко? – спросил Сивцов.

– Да нет, в пятнадцать минут уложимся, – успокоил Сергей Сергеевич.

Анатолий подумал о том, что весь тоннель он пока так и не обследовал, поэтому весьма кстати будет «прогуляться» по нему, а заодно осмотреть сейф с ключами. Оставив криминалиста на месте гибели Яночкина, он предложил понятым идти вместе с ним и Колобовым.

На всем протяжении пути никаких подозрительных предметов, а тем более, трупов не обнаружилось. Дверь в конце подземного хода открылась все тем же ключом, а когда следователь и сопровождавшие его люди вышли, то оказались сразу у двери лифта. Поднялись на четвертый этаж, где Колобов открыл одну из дверей. Там была комната без окон, в которой оказались приборы пожарной и охранной сигнализаций и стоял массивный сейф старого образца с никелированной ручкой.

Колобов уверенно открыл его. На верхней полке лежала фанерная «касса» и в ней занимали свои ячейки разные ключи. Над самой длинной была приклеена бумажка со словом «тоннель», и она оказалась не пустой. Здесь покоился ключ, идентичный первым двум, которые Сивцов сегодня уже видел.

– Третьего не было? – все еще на что-то надеясь, спросил он.

– Нет, только два, – твердо сказал Сергей Сергеевич.

Конечно, найденный в тоннеле ключ мог быть изготовлен кустарным способом – с помощью тисков и напильника. Возможно, на нем окажутся отпечатки чьих-то, кроме Яночкина, пальцев. Но это ничего не даст: даже трудно себе представить, чтобы подвергнуть дактилоскопии кремлевских работников.

Но все же какой-то след в деле появился, а значит, надо тщательно разработать все возможные версии. И самое главное, ответить на вопрос: с какой целью Яночкин оказался в подземелье?

Вся четверка с замыкающими-понятыми вернулась к месту смерти Бориса Павловича. Там уже хлопотал судмедэксперт. Завидев Сивцова, он поспешил доложить:

– Знаешь, Толик, судя по всему, смерть ненасильственная. Думаю, острая сердечная недостаточность, – обычное дело в таком возрасте. Но это все предварительно, основные выводы – после вскрытия.

Тело лежало уже по-другому, не скрючившись, а на спине. Плащ, пиджак и верхняя часть рубашки были расстегнуты. Сивцов автоматически отметил, что на пиджаке не хватает одной пуговицы. «Поэтому Яночкин и положил ее в карман», – отметил Анатолий, но вывод показался ему не совсем правильным – что-то в подсознании протестовало. Он попросил Кичкайлова дать пакетик, и когда тот оказался у него в руках, приложил его к пиджаку погибшего. Так и есть – пуговицы оказались разными: та, что в находилась в пластике, выглядела очень старой, и Сивцов подумал, что никогда таких не видел. Вроде бы пластмассовая, а вроде и нет. Возвращая пакетик криминалисту, он сказал:

– Обязательно проверь, пуговицу – когда и где изготовлена? Мне лично она не нравится.

В это время подоспели санитары с носилками, чтобы унести тело. Задача оказалась очень непростой: через Мавзолей выносить труп было нельзя – непонятный предмет мог быть замечен толпой, которой пришлось бы доказывать, что труп принадлежит не Ленину. Более разумным представлялся вариант выноса тела через другую дверь – внутрь кремлевских стен. Однако требовалось специальное разрешение.

Впрочем, Колобов, оценив ситуацию, незамедлительно предложил свою помощь, и через час все организационные проблемы были утрясены. Откуда-то взялась каталка, на которую погрузили маленькое тело, а на выходе из тоннеля уже ждал микроавтобус.

Проводив судмедэксперта с его скорбным грузом, Сивцов и Кичкайлов переглянулись: предстояло решить, как самим покинуть Кремль – то ли идти обратно через тоннель, то ли просить пропуск на выход через Боровицкие ворота. Но и здесь Сергей Сергеевич не замедлил оказать услугу: буквально через минуту после отъезда микроавтобуса подъехала «Волга».

– Думаю, будет лучше, если наша машина доставит вас в прокуратуру, – сказал он.

– Очень любезно с вашей стороны, – оценил Анатолий предложение Колобова. – Но не хотелось бы на этом прекращать наше знакомство, тем более что у меня накопилось к вам немало вопросов. Надеюсь, вас не затруднит навестить меня завтра в прокуратуре, часиков, скажем, в одиннадцать утра. Пропуск я закажу. Но есть одна просьба: подготовьте, пожалуйста, всю имеющуюся информацию о Яночкине. Особенно интересуют его родственники и друзья.

– Боюсь, ничего определенного сказать не смогу, – поспешил ответить Сергей Сергеевич. – Насколько я знаю, никого у Бориса Павловича не было. По крайней мере, я никогда не слышал, чтобы у него водились друзья. Хотя кто его знает?! Постараюсь вам помочь, Анатолий Михайлович, прямо сейчас дам указания работникам отдела кадров.

– Хорошо, что с вами так легко договориться, – произнес Сивцов, садясь рядом с криминалистом на заднее сидение машины. – До скорой встречи, Сергей Сергеевич!

– Всего доброго, – отозвался Колобов, и когда «Волга» отъехала на приличное расстояние, пробубнил себе под нос, сделав в последнем слове ударение на конечный слог: «Вместо Ильича нашли Палыча».

19.

Президиум заседал в пожарном порядке. Никто не вел обычного на таких «сходках» протокола, да и говорили без традиционных церемоний: слово предоставляется...

Не дожидаясь, пока Лиганов объявит цель обсуждения, его заместитель Нина Сергеевна Петрова затараторила:

– Георгий Алексеевич, что же это происходит? На площадь врываются какие-то непонятные личности, издеваются над нами. Люди возмущаются, но ничего сделать не могут: есть же установка вести себя мирно.

– Не спеши, Ниночка, – мягко остановил ее лидер. – Мы об этом обязательно поговорим. Но нам сначала надо определиться с главным. Наша акция протеста продолжается уже четыре дня. Хотя мы постоянно меняем людей, обеспечиваем их горячим питанием, а кое-кому даже платим, должен откровенно сказать, что митингующие устали. В то же время цели, которую ставили перед собой, мы пока не достигли.

– Надо действовать более решительно, – заявил относительно молодой человек с ежиком на голове.

– Замечание справедливое, – согласился Георгий Алексеевич. – Но для этого мы должны быть вооружены не только, как говорится, идейно, но и информационно. Пока у нас нет достоверных данных о том, как идет следствие. Я располагаю, скажу прямо, непроверенными сведениями о том, что прокуратура начала копать в самом Кремле, более того, сегодня в тоннеле, который ведет оттуда в Мавзолей, обнаружен труп одного из работников хозяйственного управления. Но имеет ли он отношение к похищению Ленина, я не знаю.

Собравшиеся напряглись. Наконец, высокий мужчина, по виду из рабочих, выдохнул:

– Все-таки власти замешаны!

Лиганов поднял руку:

– Давайте не будем спешить. Поскольку в этом деле еще много непонятного, надо в нем разобраться.

– Почему бы не обнародовать хотя бы то, что нам известно? – вклинилась Петрова. – Надо же вдохнуть новые силы в митингующих!

– Мы обязательно сделаем это, – заверил Георгий Алексеевич. – Но необходимо располагать проверенной информацией. Вы понимаете, к чему я клоню?

– Нам нужен свой человек в прокуратуре, – не задумываясь, сказал «ежик».

– Разумно, – заметил Лиганов и обратился ко всем присутствующим: – Какие будут соображения?

Рабочий приложил руку к виску и многозначительно сказал:

– Есть один паренек в Следственном комитете. Хотя он не совсем из наших, думаю, подход к нему найти можно.

– Надо связаться с парнем, только очень аккуратно, – предложил Георгий Алексеевич. – Может, за это возьмется Виктор Петрович? – Он внимательно посмотрел на «ежика».

– Спасибо, товарищи, за доверие, – удовлетворенно произнес тот. – Но думаю, будет лучше, если мы начнем вместе с Василием Дмитриевичем, – он кивнул головой в сторону высокого рабочего. – Все-таки это его связи.

– Согласен, – сказал лидер. – Но не затягивайте и помните: мы должны знать не только все, что удастся обнаружить следователям, но и версии, которые находятся у них в разработке. Тогда мы сможем действовать адекватно и своевременно. А теперь давайте разберемся, кто мешает нашей акции на площади? Что ты там говорила, Ниночка?

Единственная среди присутствующих женщина хотела было встать, но потом, вспомнив о том, что заседание носит не совсем официальный характер, осталась на месте, только немного подалась вперед.

– Среди наших товарищей ходят какие-то отморозки и ведут кощунственные речи, унижающие достоинство Ильича, – с жаром проговорила она.

– Есть предположения, кто они? – поинтересовался Лиганов.

– Думаю, из «Правого дела», они давно уже точат зуб на Ленина, – ответила Петрова.

– Применить силу?! – не то спросил, не то предложил Василий Дмитриевич. – Один раз наkostenяем, больше неповадно будет!

– Хорошо бы, конечно, – будто соглашаясь, сказал Георгий Алексеевич. – Но власти могут расценить это как драку, а значит, у милиции появится основание за нарушение общественного порядка попытаться вытеснить нас с площади. Надо действовать как-то поаккуратнее.

– Можно применить тактику окружения, – предложил Виктор Петрович.

– Поясните, пожалуйста, – попросил Лиганов.

– Как только становится понятно, что в наши ряды попал хулиган, его замыкают плотным кольцом так, чтобы пространства у него оставалось не больше полуметра, и молча стоят. Действует безотказно – начинают нервничать и суетиться даже самые непробиваемые смельчаки, – объяснил «ежик».

– А если полезут в драку? – с сомнением в голосе произнесла Петрова.

– Исключено, – возразил Виктор Петрович. – Во-первых, пространства для размаха не будет, а, во-вторых, если не самоубийца, то должен понимать, что воевать сразу с двумя десятками человек невозможно, тем более что всегда могут надавать с тылу.

– Предложение хорошее, – подытожил лидер. – Надеюсь, такая «психологическая атака» надолго отобьет охоту у «правых» вставать на нашем пути. Давайте попробуем: доведите данную информацию до старших групп, а они растолкуют, что к чему, остальным.

– Георгий Алексеевич, но нам надо определить, как долго будем проводить акцию на Красной площади, ведь холода на носу, – сказал совершенно лысый человек в очках, который раньше не произнес ни слова, зато внимательно слушал. – Может, как украинцы, разобьем палаточный лагерь?

Лиганов ответил не сразу, видимо, его самого тревожил этот вопрос. Наконец, он откашлялся и вполголоса произнес:

– Вы прекрасно понимаете, что люди, собравшиеся на площади, – не самого юного возраста. Палатки им противопоказаны по состоянию здоровья. К тому же, я не хочу, чтобы нас связывали с украинскими «оранжевыми»: они по духу – наши антиподы. Но и ставить вопрос о прекращении акции преждевременно. Надеюсь, все с этим согласны? Еще нужно в ближайшее время так распределить силы, чтобы сократить время дежурства, скажем, до четырех часов. Такое время простоять, даже на морозе, вполне по силам любому. Ну и давайте как-то продумаем ситуацию с чаем: разве нельзя организовать дело так, чтобы митингующие могли получать его каждый час.

– Может, чего покрепче? – улыбнулся Василий Дмитриевич.

– Нет, никаких спиртных напитков, – резко парировал Лиганов. – Для нас крайне важно, чтобы люди сознательно, безо всяких допингов, протестовали против посягательств на нашу святыню. К тому же, если начнется бражничанье, да еще и при дармовых напитках, то сразу появятся пьяницы, забулдыги, бомжи. Ясно, что они будут дискредитировать наше движение. Выпьем потом, когда нам вернут Ильича!

20.

К художнику Каськову этой ночью опять пришла муза. В ее белом струящемся платье было столько снежных полутонов, что Виктора вновь захлестнуло желание немедленно схватить кисть и попытаться передать удивительные оттенки простого цвета. Такое, он слышал, можно увидеть только на Севере в бескрайних просторах. «Арктика» одежды очень органично дополнялась голубизной глаз поразительной глубины. Это был лед, он завораживал, затягивал в пучину умиротворяющего холода.

Наверное, такое наваждение и не дало ему начать акт творчества, хотя, по правде, Виктор уже очень давно не стоял перед мольбертом: в последние месяцы он боялся даже смешивать краски: цвета получались ядовитыми и тошнотворными.

Гостья неожиданно заговорила строгим голосом с интонациями, напомнившими художнику жену, бросившую его два года назад. Они полюбили друг друга еще в студенчестве, и два десятка лет она, выучившаяся на актрису, терпеливо играла несколько главных ролей в спектакле его жизни: хозяйки, любовницы, натурщицы и, наконец, продюсера. С таким большим ребенком, каким жена считала Виктора, у нее даже в мыслях не возникало желания иметь других детей. Тем более что ее мальчик, уже и с сединой в волосах, оставался сумасбродным вундеркиндом, не устававшим заявлять на всех углах: «Я – гений!» Она безропотно выполняла все его «хочу!» и однажды даже добилась заказа на портрет у шведской принцессы. После того, как Каськов блестяще справился с работой – он, действительно был талантливым человеком, – репродукции его картин появились в каталогах престижных европейских выставок, да и на родине к нему стали присматриваться с интересом.

Две вещи омрачали существование семьи. Правда, с взрывным характером художника супруга как-то справлялась: достаточно было в минуты безудержной агрессии потешить самолюбие гения, ласково говоря, что он единственный на свете, и приласкать его. «Мальчик» сразу затихал, становился ручным, и чаще всего дело заканчивалось жаркими объятьями в оборудованном на втором полуэтаже мастерской алькове или в семейной спальне на кровати из красного дерева, которую Виктор соорудил сам, любовно украсив спинку резьбой, изображавшей интимные сцены.

Намного сложнее оказалось со спиртным. Оно неизменно сопровождало и успех, и неудачи, да и просто употреблялось как лекарство от наваливающейся хандры. Бороться с болезненной привязанностью было бесполезно, и даже если в доме или мастерской не замечалось ни одной бутылки с алкоголем, это вовсе не означало его отсутствия. Водка могла найтись в одной, а то и в нескольких емкостях с растворителями или другими «художественными» жидкостями, во множестве стоявшими на полках. Виктор умудрялся набираться, даже рисуя позирующую ему жену: скрытый холстом, он потихоньку отхлебывал из бутылочки, на которой было написано «Льняное масло». А таких на небольшом столике сбоку от него стояло несколько. И бывало, к концу сеанса он просто падал на пол у мольберта, а утром, придя в себя, обнаруживал под головой подушку, а поверх тела теплое одеяло.

Был, однако, в его жизни непродолжительный период, когда он не пил после того, как попал в аварию. Каськов возвращался из райцентра, где расписывал для дома культуры панно. Оказавшаяся рядом с ним соседка попросила его поменяться местами, и Виктор сел у окна. Именно сюда врезался не вписавшийся в поворот грузовик. Никто, кроме художника, серьезно не пострадал, зато он, приняв удар на себя, оказался в тяжелейшем состоянии. Когда его спустя полтора часа привезли в областную клинику, врачи констатировали клиническую смерть. В конце концов, им все же удалось спасти молодого человека с переломанными ребрами и черепно-мозговой травмой.

После выписки из больницы Виктор выглядел, как блаженный. Его светящиеся глаза отыскивали в окружающем какие-то необычные ракурсы, он лихорадочно старался запечатлеть их на холсте, прерывая работу только на непродолжительный сон. И это были, действительно, достойные картины, которые могли украсить самую престижную выставку. Когда не хватало денег на холсты, в дело шли старые картины, обнаруженные им в подвале школы, где одно время Каськов преподавал рисование. Но художественная общественность, как называли тогда сосредоточивших власть десятков бородатых мэтров, обошла вниманием появление нового незаурядного таланта. И он снова стал прикладываться к бутылке.

Признание, пусть и не такое, о котором мечтал художник, пришло к нему намного позже, да и то благодаря стараниям супруги. Пошли заказы на портреты, причем от довольно известных людей. Работа над последним из них закончилась для художника крахом семейной жизни, а, возможно, и всей творческой биографии.

Тогда он впервые столкнулся с настоящим олигархом. Тот, следуя моде, решил увековечить свою личность в монументальном портрете. Причем, поначалу его больше интересовало, в какую рамку будет помещен холст: он хотел, чтобы она была выполнена из настоящего золота. Уже это настроило Виктора против самодовольного лысеющего человека, который, позируя, показывал превосходство над всеми остальными людишками, включая художника, не сумевшими в благоприятное время срубить бесхозное денежное дерево.

Каськов, чья гениальность здесь вообще никого не интересовала, почувствовал непреодолимую ненависть к заказчику, и оказалось, что именно она придавала движение его кисти. Когда наступил момент показать готовый портрет, разразился скандал. С холста маленькими масляными глазками, которые Виктор выписал с особой тщательностью, глядело тупое существо, впрочем, обладавшее значительным сходством с физиономией олигарха.

– Это кто? – заорал тот, становясь все более похожим на портрет.

– Вы во всей своей сущности, – гордо ответил художник.

Стоявшая рядом жена даже не пыталась его остановить, зная, что если Виктора понесет, на людях умирить его пыл будет невозможно.

Заказчик крыл его матом, всячески извращая слово «художник», которому не посчастливилось начинаться с двух всем известных букв. Но и Каськов будто сорвался с цепи: он, словно выступая от имени всех обездоленных, орал на олигарха, обвиняя его в смертных грехах и предрекая небесные кары за совершенные преступления.

Еще немного и скандал грозил перейти в драку. Впрочем, для Виктора дело и окончилось мордобоем: появившаяся внезапно охрана профессионально обработала его и вышвырнула за ограду особняка, где жил заказчик. Он не смог ответить на последние слова олигарха: «Твои картины теперь будут выставляться только в сортире!» Тот прокричал их, когда художника, получившего в виде гонорара десятков крепких ударов по лицу, животу и почкам, уже тащили к дубовой входной двери.

На сей раз жена не последовала за ним, чтобы утешить, приласкать, подкинуть «дров» в огонь самолюбия изгнанного гения. Она не пришла в мастерскую, где Каськов опустошал одну бутылку за другой, ни в этот день, ни на следующий. Ее телефон не отвечал, хотя Виктор пытался соединиться чуть ли не после каждой рюмки. Когда на третий день он вышел в город, думая купить еще спиртного и поехать домой, выяснилось, что в квартиру попасть не может – все три замка были заменены. Он звонил в дверь целых полчаса, но никто не открыл. Вконец обозленный художник вернулся в мастерскую. Прошло еще несколько дней, и ему принесли какие-то документы, которые требовалось подписать. Он сделал это не глядя: наступила алкогольная отрешенность, когда все на свете ему стало безразлично. Так легко был оформлен развод, и даже не пришлось делить имущество: его всю совместную жизнь Виктор записывал на жену.

Какое-то время Каськову еще удавалось продавать свои картины: их немало накопилось в мастерской. Этого хватало, чтобы постоянно находиться в спасительной пелене алкогольного тумана. Но желающих приобрести творения гения становилось все меньше: солидных клиентов отталкивал его вид, а таким, как он, собутыльникам произведения искусства вообще никогда не нужны.

Появившаяся в это раннее утро муза, в обличье которой, впрочем, вполне могла скрываться обыкновенная белая горячка, строго сказала ему:

– В твоей жизни должны произойти изменения. Смотри, не проморгай!

Виктор встал и пошел ей навстречу, чтобы обнять, как когда-то любимую жену, но она, пятясь, отходила к двери, и метровое расстояние между ними никак не сокращалось.

Вдруг он наткнулся на что-то плотное и мягкое.

– Извините, у вас открыта дверь, – произнес мужской голос.

Наконец в сером утреннем свете художник рассмотрел того, кто внезапно появился на месте дамы в белом. Это был мужчина среднего роста в длинном черном пальто с темными кудрявыми волосами, будто только что уложенными в парикмахерской.

Виктор хотел поднять руку, чтобы перекреститься, но гость опередил его:

– Не волнуйтесь, я вас не побеспокою. Разрешите представиться: Яков Захарович, искусствовед.

Он протянул руку, которую Каськов после небольшого колебания пожал. Ладонь мужчины была теплой и сухой, а от него самого исходил тонкий аромат добротного одеколона. «Не сера», – подумал художник, еще раз посмотрел на голову пришедшего, чтобы убедиться, что на ней нет рогов, и с трудом выдавил из себя вспомнившиеся из правил этикета слова:

– Чем могу быть полезен, милостивый государь?

Гость широко улыбнулся и дружелюбно сказал:

– Мы хотим предложить вам участие в выставке.

Однако на Виктора эти слова не произвели никакого впечатления, разве что где-то в глубине души отдалось эхо теплой боли, которую тут же заглушило другое чувство: окончательно проснувшись, организм потребовал «огненной воды», просигналив легким головокружением и тошнотой.

Гость, как оказалось, понял, что больше всего беспокоит художника. Открыв портфель, он достал оттуда бутылку армянского коньяка и предложил:

– Давайте продолжим, как говорится, в непринужденной обстановке.

Каськов сразу же почувствовал симпатию к человеку, пришедшему из наполовину забытого им мира, и уже не пытался искать у него черты чертовщины.

– Конечно, конечно, – поспешил он согласиться с предложением искусствоведа.

Одним движением руки Виктор смахнул со стола остатки вчерашней скудной трапезы, сдул крошки со стула и предложил гостю сесть. Сам он обосновался на кровати, набросив на нее затертый гобелен, который когда-то собственноручно выткал.

К коньяку Яков Захарович достал бутерброды с лососиной и красной икрой, нарезанный на ломтики сыр и банку маслин. Только после третьей рюмки Каськов почувствовал интерес к теме, высказанной гостем.

– Так вы говорите – выставка? Какая? Где? Кто еще будет участвовать? – быстро выпалил он, успев заготовить набор вопросов.

– Это очень престижное мероприятие, – любезничал искусствовед. – Собираем весь цвет отечественной живописи, да и сама идея весьма интересна: «Будущее России». Планируем ее проведение, естественно, в Манеже. Мы думаем представить три ваших работы. После выставки состоится аукцион, на который вы можете их предложить. Уже есть интерес покупателей, в том числе и зарубежных.

Каськов стал лихорадочно соображать, какие полотна у него остались, и подойдут ли они?

– Вы хотите какие-то конкретные картины? – спросил он, выпивая очередную порцию коньяка и с грустью глядя, как янтарная жидкость неумолимо убывает.

– По крайней мере, одну мы держали на примете, – сказал Яков Захарович, доставая из портфеля следующую, точно такую же бутылку. – Я имею в виду вашу работу под названием «Голгофа-триптих». Кстати, говорят, у нее какая-то особая история.

Виктор с облегчением вздохнул. Эту картину он не продал, как, впрочем, и те, где ему позировала жена, которую он при всей отвязанности нынешней жизни предать таким способом не мог.

– Да, она уникальна, – гордо произнес он. – Видите ли, я написал ее на старом холсте, где был портрет Ленина. И бывают такие моменты, когда он проступает сквозь мои краски.

– Это очень интересно, – заметил гость. – На нее можно посмотреть?

– Да хоть сейчас, – предложил Каськов и добавил: – Вы пока наливайте, а я принесу картину.

Через минуту он поставил ее на мольберт, который пустовал уже долгие месяцы. На холсте изображались три креста. На центральном был распят Иисус Христос, а на боковых – не преступники, как описано в Евангелии, а седой старик и молодой человек с нежным лицом и опущенными потрепанными крыльями сероватого цвета.

Яков Захарович долго стоял перед полотном, внимательно вглядываясь в него.

– Казнив Христа, они одновременно распяли Бога-отца и Бога-духа? – спросил он.

– Да, все они испытывали нечеловеческие мучения, – отрешенно проговорил Виктор.

– Кажется, вы написали картину сразу после выписки из больницы? Это имеет какое-то отношение к автокатастрофе и вашей клинической смерти? – продолжил расспрос искусствовед.

– Вы хорошо осведомлены о моем творчестве, – вдруг резко выкрикнул художник. – Да, я был там и видел то, о чем никому никогда не скажу!

– Не волнуйтесь, – мягко успокоил его гость. – У каждого из нас в жизни своя судьба и своя миссия. Давайте лучше еще выпьем: за вас, ваше творчество и эту гениальную картину, которую мир еще очень высоко оценит!

– Вы так считаете? – тихо произнес Каськов и, заметив кивок головой, опрокинул рюмку.

После недолгого молчания Яков Захарович поинтересовался:

– Вы извините, Виктор, но я так и не рассмотрел Ленина. Требуются какие-то особые условия, чтобы он проступил?

– Честно говоря, я и сам не знаю, что нужно для того, чтобы он «проявился». Иногда это происходит при ярком свете, иногда – наоборот, в сумерках.

– Очень интересно, – отметил гость и разлил очередную порцию спиртного.

Все остальное Каськов помнил смутно. Он подписал бумаги, которые, кстати, остались у него и подтверждали передачу трех картин выставочному комитету. Двое прибывших людей в комбинезонах унесли их, а вскоре следом ушел и искусствовед, оставив Виктору еще одну бутылку и гору закуски: все это, видимо, доставили те же рабочие.

Утром снова явилась белая муза и уже более ласковым тоном, вновь напомнившим ему жену, сказала:

– Молодец! Я к тебе еще вернусь!

21.

Рассказ Юрия Куркова совершенно не впечатлил начальника следственной группы. Полудетские провокации правых никак не указывали на то, что именно они замешаны в преступлении. В конце концов, они всегда говорили: «Наша цель – коммунизм», точно обозначая мишень своих ударов.

Зато новости, которые сообщил Сивцов, привели группу в состояние возбуждения.

– Наконец-то появился след, – вскричал Антон Корицкий и почти восхищенно добавил: – И даже жмурик обозначился!

Роман Рахматов поддержал коллегу, заметив:

– Этот тоннель мне просто не давал покоя.

Только Юрий пытался сохранить невозмутимый вид и даже выразил сомнение:

– Может статься, что погибший никакого отношения к делу не имеет.

– Конечно, выводы пока делать рано, – согласился Анатолий. – Мы должны дождаться результатов экспертизы. Но и сидеть сложа руки не будем. Ты, Роман, соберешь все сведения о Борисе Павловиче Яночкине. Вместе с участковым осмотришь квартиру, опросишь соседей. Нам важно знать, с кем он встречался, имел ли политические пристрастия? Тебе, Антон,

предстоит «пошерстить» его родословную, короче, отыщи родственников, где бы они ни были. Один из вариантов – кому-то не давало покоя наследство покойного: все-таки квартира в Москве, а это сейчас стоит баснословных денег. А для тебя, Юра, самое сложное: надо допросить коллег по работе. Попробую выбить пропуск в Кремль, но если не получится, придется вылавливать сослуживцев на нейтральной территории. Особенно интересуют последние дни: когда уходил с работы, не встречался ли с кем, не заметили ли чего-то подозрительного?

– А что делать с правыми? – спросил Курков.

– Не думаю, что мы должны в это вмешиваться, – ответил Сивцов. – Пусть играют, ничего противоправного они не совершают.

Ближе к вечеру стали известны результаты судебно-медицинской экспертизы. Смерть Яночкина наступила накануне вследствие острой сердечной недостаточности. В крови умершего зафиксирована небольшая концентрация алкоголя. Не исключено, что приступ был спровоцирован каким-то препаратом, однако установить это практически невозможно, особенно если использовался токсин, идентичный тому, что вырабатывается организмом. Судя по всему, умерший страдал стенокардией, что достоверно объясняет его внезапную смерть.

Когда Анатолий изучал заключение судмедэксперта, в кабинет ворвался Кичкайлов.

– Ничем тебя порадовать не могу, – с порога закричал он. – Ни на ключе, ни на других предметах ничьих других «пальчиков», кроме покойника, нет. А вот с пуговицей какая-то интересная история.

– Говори, не томи, – зная, что криминалист любит помучить, взмолился Сивцов. – Она что, из гробницы Тутанхамона?

– Почти угадал, торжествуя улыбаясь, важно произнес Кичкайлов. – Представь себе, она изготовлена в кустарных условиях из бакелита. Для невежд объясняю: это первая пластмасса, которую удалось воспроизвести человечеству, аж в девятнадцатом веке!

– Действительно интересно, – согласился Анатолий. – Кому же понадобилось делать такие пуговицы?

– Ты следователь, тебе и разбираться! – бросил «следопыт с большой буквы». – Но, по крайней мере, пришивать такую к современному пиджаку было бы так же нелепо, как вставлять челюсть динозавра.

– Ну, это ты переборщил, – сказал Сивцов. – Пуговица, пусть она и старая, но функцию свою в любое время может выполнить, хоть на фраке, хоть на кальсонах. Ладно, давай ее сюда, да и все остальные вещи. Будем изучать.

Когда Кичкайлов ушел, следователь разложил перед собой нехитрый скарб покойного. Он полистал паспорт, отметив, что в нем стоит штамп о браке с Зинаидой Трофимовной Вершининой. Прописан в центре, на Страстном бульваре. Умер на семьдесят третьем году жизни. Страницы, где обычно записывается потомство, пусты, но это ни о чем не говорит: при обмене паспортов взрослые дети не вписываются. Но с другой стороны, Колобов утверждал, что Борис Павлович был одиноким. Ладно, Корицкий с этим разберется.

Он положил паспорт на место и придвинул к себе пуговицу. Анатолий никогда бы не сказал, что сделана она кустарно, но Кичкайлову виднее. Зачем умерший носил с собой эту старую кругляшку? Нашел? Сделал сам? Коллекционировал?

Сивцов набрал номер Рахматова и попросил внимательнее посмотреть, какие в квартире Яночкина есть пуговицы и не найдется ли что-нибудь вроде коллекции? «Мало ли, какие увлечения бывают у людей», – сказал он себе, закончив разговор.

Правда, одна версия не давала ему покоя, хотя он и считал ее почти абсурдной. Но в этом можно было убедиться, только проверив ее. Анатолий позвонил в научно-исследовательский центр биомедицинских технологий и попросил о встрече. Уже через полчаса он ехал в метро со странной пуговицей в кармане.

22.

Ленину устроили большие смотрины. Он сидел во главе стола, за которым расположилось еще двенадцать человек: среди них он знал только двоих. У собравшихся было приподнятое настроение, и Иван Иванович весело спросил Владимира Ильича:

– Ну, как вы, батенька, себя чувствуете?

– Отлично, Иван Иванович, – таким же тоном ответил тот. – Каждый день подолгу гуляю, даже с белочкой вот познакомился. Удивительное создание!

Вскоре на столе появился самовар, увенчанный заварным чайничком, вазы с печеньем, сушками и конфетами. Стороннему наблюдателю, внимательно читавшему литературу о революционерах, эта картина показалась бы очень знакомой: так век назад могли проходить большевистские сходки. Вдобавок ко всему человек, окруженный вниманием расположившихся рядом товарищей, удивительным образом походил на вождя мирового пролетариата: та же лысина, те же калмыцкие усы, та же аккуратная бородка, наложенные на мягкую добродушную картавость.

Отхлебывая чай, один из гостей, представившийся Матвеем Павловичем, поинтересовался:

– Я слышал, Владимир Ильич, вы писать начали?

Ленин, несколько не смутившись, чуть подался вперед и подтвердил:

– Думаю, что уже пора, столько мыслей накопилось. Должен особо поблагодарить Тимофея Николаевича и за выздоровление, и за помощь в литературном труде.

– Что же вас особенно волнует? – спросил молодой, с большими залысинами человек и добавил: – Кстати, я Валерий Владимирович, юрист.

– Самая главная тема – связь религии с жизнью, – убежденно произнес Ленин. – Представьте себе: почти две тысячи лет христиане, полагаясь на священное писание, несли веру, не имея убедительных доказательств истинности изложенного в нем учения. Думаю, именно сегодня долготерпение верующих должно быть вознаграждено. Каждый узнает, что часть событий, предсказанных пророками, уже произошла, другим – предстоит свершиться.

Он обвел аудиторию взглядом, словно озаренным прозрением. Окружающие с восхищением смотрели то на него, то на Тимофея Николаевича, который выглядел торжествующе.

– Владимир Ильич, вы осознаете, что это очень непростой путь, сопряженный с опасностями, непониманием толпы и даже открытой травлей? – предостерег ставший вдруг предельно серьезным Иван Иванович.

– Я очень многое испытал в жизни, – тихим, но твердым голосом отозвался Ленин. – И когда речь идет о спасении человечества, все личные переживания должны отойти на второй план. Я готов ко всему, но на сей раз Голгофа предназначена не мне, а тем, кто, не задумываясь, выбросил из души все святое, как ненужный мусор. Они, прикрываясь идеей общества потребления, уподобили мир вавилонской блуднице. К счастью, еще остались люди, достойные божьего благословения. К ним я устремлю свои стопы...

Гости зааплодировали, но Иван Иванович, подняв руку, остановил их. Он сказал:

– Мы все рады, что вы, Владимир Ильич, понимаете, на что идете. Но всем нам надо еще подготовиться, ведь враг очень силен. Он способен на коварство и подлость, на обман и даже убийство.

– А разве меня можно убить? – искренне удивился Ленин.

Собравшиеся растерялись. Пока они переглядывались друг с другом, Владимир Ильич, прищурившись, спросил еще раз:

– Неужели я восстал из мертвых, чтобы снова умереть?

Тишина продолжала висеть в комнате невидимой кисеей. Будто прорывая в ней прорехи, кто-то нервно хрустнул пальцами, кто-то вздохнул, кто-то откашлялся. Наконец, Иван Иванович тихо сказал:

– Этого, Владимир Ильич, мы не знаем. В любом случае постараемся вас оберегать. Мы обязаны исключить любые неожиданности.

Такой поворот событий несколько смутил Ленина. Он, углубившись в себя, задумался, отчего посредине лба пролегла заметная складка. Обведя людей, сидящих за столом, беспомощным, как у ребенка взглядом, он произнес:

– Мне надо хорошенько осмыслить все, что я здесь услышал. Только не хочу, чтобы вы подумали, что я проявляю малодушие. В конце концов, выбор сделан, и я должен идти до конца. А сейчас извините, мне нужно побыть одному.

Он поднялся и направился к лестнице. Когда его ноги уже отсчитывали ступеньки, Ленина окликнул Тимофей Николаевич:

– Владимир Ильич, только договоримся – без обид. Дело нам предстоит нешуточное, и мы должны полностью доверять друг другу, быть честными и ничего не утаивать.

При этом его шрам покраснел и стал напоминать надломленную ветку.

– Я все понимаю, – устало ответил Ленин и, окончательно приходя в себя, добавил: – Доверяю вам выполнить всю рутинную работу по организации моего пришествия.

Собравшиеся ахнули. Еще несколько дней назад этот человек был в буквальном смысле никем, и вот – произошла удивительная метаморфоза: он, действительно, стал всем, как в свое время напроорочил коммунистический гимн «Интернационал».

Когда Ильич удалился, и было слышно, как он зашел в свою комнату и закрыл дверь, Иван Иванович строго спросил шрамоносца:

– А вы не перестарались? Что будет, если он перестанет подчиняться нам?

Тимофей Николаевич погладил шрам, начинающий бледнеть, и уверенно произнес:

– Не беспокойтесь! В крайнем случае, мы располагаем средствами, которые скорректируют его психику и поведение. Но, с другой стороны, согласитесь, что нам нужен не мямля, а уверенный в своем превосходстве настоящий мессия! Разве не так?

С его доводами согласились если не все, то большинство из двенадцати человек, о чем свидетельствовали одобрительные кивки головами. Яков Захарович справедливо заметил, что без харизмы их затея обречена на неудачу, поэтому не стоит разубеждать Ленина в его величии.

Однако некоторым такое поведение подопечного совсем не понравилось, хотя они, глядя на реакцию сотоварищей, и предпочли отмолчаться, сидя с отрешенными глазами.

Наконец Иван Иванович перешел к другой теме. Обратившись к искусствоведа, он спросил:

– Расскажите, пожалуйста, что у вас получилось с художником.

– Смею заверить, все в полнейшем порядке, – отозвался Яков Захарович. – Картина уже находится у нас. Комплектация выставки завершается, и мы объявили об ее открытии: оно состоится через неделю. Коллеги передали мне необходимый реактив, – он кивнул на человека, чьи плечи были несоразмерно узкими по сравнению с массивной головой, увенчанной шевелюрой, будто специально раскрашенной тоненькими полосками: с каждым темным волоском соседствовал седой.

– Это радует, – сказал лидер. – Только не забывайте, что чудо должно произойти не сразу, но обязательно в день открытия, на глазах у многих людей. – Убедившись, что его слова нашли должное понимание, он обратился к узкоплечему:

– Как обстоят дела с другими химическими препаратами?

Обладатель «тельняшечьей» шевелюры потер зачем-то руки и начал быстро говорить:

– Масляный состав для картин тоже уже почти готов. Мы хотим добиться, чтобы капли были как можно крупнее, но это уже дело техники. Так что все будет готово в срок.

– А для книг? – коротко поинтересовался Иван Иванович.

– Работаем, сложностей не предвидится, – отбарабанил химик. – Уверяю вас, что и здесь мы успеем все сделать.

– Хорошо, – удовлетворенно сказал. – А теперь давайте разберемся с овцеводами, – он перевел взгляд на одного из тех, кто предпочел никак не выражать свое отношение к харизме Ленина. Этот человек обладал незаметной внешностью с правильными, но невыразительными чертами лица, бледно-серыми глазами и русыми прилизанными волосами. Самым выдающимся в его облике были массивные руки с мощными утолщениями на фалангах пальцев. Встрепенувшись, словно его застали врасплох за крамольными мыслями, он, несколько нараспев, ответил:

– Все должно быть так, как задумали. Вот-вот ожидается приплод, – последняя фразу получилась у него как припев песни. – Люди надежные, к тому же мы выплатили им аванс, поэтому никаких проблем быть не должно.

Иван Иванович одобрительно кивнул, но потом, с силой разгладив на лбу морщины, озбоченно заметил:

– Все, вроде, идет хорошо, но, на мой взгляд, не хватает чего-то особенного, выдающегося. – Какие есть мысли на сей счет?

– Давайте «Аврору» задействуем, – неуверенно предложил самый молодой. – Ее залп произвел бы настоящий фурор.

– Сомневаюсь, что это соответствует нашим целям, – будто ощупывая идею пальцами, произнес искусствовед. – Но, может быть, здесь есть и рациональное зерно. Как вы отнесетесь к тому, что главное событие должно произойти именно в Ленинграде?

– Смольный? – спросил Тимофей Николаевич и тут же отступился от этой мысли. – Хотя нет, там же сейчас правительство, и здание очень хорошо охраняется.

– Вспомните, в 1917 году Ленин прибыл в Питер на Финляндский вокзал, – неожиданно горячо заговорил узкоплечий. – Там он выступил, стоя на броневике, что и явилось своего рода пришествием. Почему бы не выбрать это место еще раз, чтобы установить, как говорится, связь времен.

Иван Иванович, внимательно, не перебивая, выслушавший предложения, наконец, высказался:

– Нам важнее само событие, чем место, где оно произойдет. То, что вы предлагаете, будет выглядеть театрально: люди, знающие историю, могут подумать, что разыгрывается спектакль на открытой площадке или снимается кино.

– А я считаю, что на одном месте вообще сосредотачиваться не надо, – вмешался Яков Захарович, полагая, что если зашла речь об искусстве, то его слово станет самым веским. – В главном событии своего рода декорацией надо сделать Мавзолей, а наряду с этим подобное должно произойти еще в пяти-десяти крупных городах. – Он немного помолчал, поведя глазами, будто пытаясь поймать только что блеснувшую мысль, и продолжил: – Я сейчас вспомнил один важный эпизод из Библии, когда вавилонский царь Валтасар увидел, как на стене появляются светящиеся буквы, которые складывались в слова: «Мене, текел, упарсин». Если вы помните, сие означало: исчислил Бог царство твое и положил конец ему – оно будет разделено, а сам ты взвешен на весах и оказался слишком легковесным. Мне кажется, это именно то, что нам нужно! Представьте, что на Мавзолее вдруг появляются пророческие слова с подписью Ленина!

– А как такое можно практически осуществить? – заинтересовался Иван Иванович. – Если применить лазер, то все увидят луч, что нежелательно.

– Вполне реально сделать луч совершенно незаметным, – откликнулся Тимофей Николаевич. – Можно использовать инфракрасный диапазон, подобрав длину волны так, чтобы заста-

вить светиться тот или иной материал, в данном случае гранит. Со стороны никто ничего не заподозрит.

– Да, может выглядеть впечатляюще, – согласился лидер. – Надо только написать эффектную фразу. Думаю, этим займетесь вы, – сказал он, обращаясь к элегантному мужчине, будто только что вышедшему сразу из модного бутика, парикмахерской и косметического салона.

Тот кивнул в знак согласия и, заметив, что ему дали слово, проговорил мягким баритоном:

– Мне нравится эта идея, и я постараюсь найти нужные слова. Но, на мой взгляд, нам надо определиться с толпой, которая оккупировала площадь. Нужна нам она или нет для достижения цели?

– Вряд ли коммунисты поверят в воскресение Ильича, – заметил мужчина с ежиком на голове. – Они же материалисты до мозга костей. Им нужен труп, а не живой вождь.

– Считаю, что нам поначалу и не требуется много народу, – поддержал его молодой, с залысинами человек.

– Значит, толпу необходимо рассеять, – подытожил Иван Иванович и, обратившись к шрамоносцу, спросил: – У нас ведь есть технические возможности сделать это?

Тимофей Николаевич ответил не сразу, прикидывая, как можно воздействовать на несколько тысяч людей в самом центре столицы, и только хорошо поразмыслив, произнес:

– Безусловно, мы попробуем применить нашу установку, и, думаю, эффект будет достаточно сильным. Но мне кажется, что сделать это надо только после того, как митингующие увидят загоревшуюся на Мавзолее надпись. Тогда они непременно свяжут свой панический страх с появившимися странным образом словами, и в ужасе покинут площадь. Это даст импульс к многочисленным слухам, что для нас окажется весьма полезным.

– Ну что ж, так и поступим, – подвел итог своеобразному «мозговому штурму» лидер. – А Ильича представим народу на Покров. Пусть денька три в стране походят пересуды.

23.

С самого утра Красная площадь зашелестела, затрепетала тысячами белых крыльев. Стопки листов разлетались стаями и, побывав в руках множества людей, возвращались в «гнездо» – на трибуну, где пересчитывались, укладывались во внушительные пачки и перевязывались серой бечевкой.

Накануне объявили о старте предвыборной кампании, начинающейся со сбора подписей в пользу политических партий. Коммунисты немедленно воспользовались тем, что сторонников искать не было необходимости: в Москве и других городах на митингах за один день собрали почти половину нужного количества голосов, обеспечивающих пропуск на выборы.

Воодушевленные своим участием в политической жизни страны, митингующие с новыми силами стали скандировать: «Верните Ленина России!»

Свою силу и сплоченность они получили возможность продемонстрировать в этот день еще не один раз. Согласно плану, принятому на президиуме партии, впервые была применена тактика «окружения».

О силе ее воздействия рассказал вечером на политсовете партии «Правое дело» Максим Тюрин, молодой парень с зачесанными назад пепельными волосами, придумавший загадку про теремок-Мавзолей.

– Они обступили меня со всех сторон. Даже страшно стало. Как волки: глаза горят, того и гляди бросятся. И ни единого слова! Честно говоря, я не знал, что делать? Боялся, что затопчут.

Лев Полков внимательно посмотрел на него и спросил:

– А дальше?

– Стояли так минут, наверное, двадцать. У меня в голове начало шуметь, было такое ощущение, что вот-вот свихнусь. Начал просить, чтобы отпустили. Пришлось, как ребенку, дать честное слово, что больше так делать не буду. А что я мог сделать, не драться же с целой толпой, – последние слова Тюрина прозвучали особенно жалобно, он явно искал сочувствия у «верхушки» партии.

Аркадий Иосифович Шацкий, до этого сидевший почти безучастно, вдруг начал объяснять сложившуюся ситуацию:

– Они со всеми нашими так обошлись. Действительно, сопротивляться было бессмысленно. Только один герой нашелся: полез с кулаками. Но они сразу же сомкнули кольцо и сжали его так, что он чуть сознание не потерял.

– Да, молодцы! – воскликнул Полков, явно характеризуя не своих соратников, а политических противников. – Это они здорово придумали! А мы, в самом деле, оплошали: как-то все получилось несерьезно.

– Но ведь так и задумывалось, – нерешительно возразил Шацкий. – Высмеять затею этих большевиков.

– Так-то оно так, но мы не учли, что они окажутся умнее нас, – еще раз признавая поражение, произнес Глеб. – Но, по крайней мере, будет нам наука!

– Так что теперь, оставим их в покое? – поинтересовался один из членов политсовета, у которого очки висели на самом кончике носа.

– Этого делать нельзя, – твердо сказал Полков. – Каждый день на площади дает им лишние очки на выборах. Но нам нужно придумать нечто такое, что выставит коммунистов в невыгодном свете.

– Может быть, объявим свою акцию – еще один концерт? – предположил Шацкий. – Получим разрешение властей, пригласим какую-нибудь западную звезду, на выступление которой валом повалит молодежь, главное, чтобы было погромче. Я слышал, за рубежом большим успехом пользуется группа «Twinkle Wings» – «Сверкающие крылья» по-нашему. Насколько я знаю, с ней кто-то сейчас ведет переговоры. Вот давайте и заманим ее.

– Вот это совсем другое дело! – поддержал лидер партии. – Не какой-то там терем-теремок для младшего дошкольного возраста.

При его словах Максим Тюрин, еще несколько дней назад считавший своей удачей глуповатую загадку, густо покраснел: его самолюбию в этот день был нанесен еще один удар.

– Главное – освободить место для сцены, а уж молодежь расчистит себе пространство! – заметно повеселев, почти закричал Полков и, внезапно сменив тон, уже серьезно распорядился: – Нам надо управиться за неделю. Получится?

– Сроки, конечно, космические, но если задействовать серьезный финансовый ресурс, думаю, задача выполнимая, – отозвался член партии с очками на носу.

– Эх, жалко, что убили Джона, – вдруг встрял зрелых лет мужчина в свитере и с длинными волосами, видимо, в прошлом завязанный битломан. – Представляете, какой был бы классный лозунг: «У стариков – Ленин, у молодежи – Леннон!»

24.

Готовясь к встрече с Колобовым, Анатолий Сивцов еще раз проанализировал, чем же он располагает? Он открыл на экране компьютера таблицу, к которой не прикасался все последние дни. Теперь у него появилось нечто новое, и он стал заполнять графы против слова «президент». В колонку «мотив» вписал: «Ленин – прошлое, тянет страну назад». Противоречия были сформулированы так: «Подозрение сразу падает на власть, особенно на этом настаивают коммунисты». Информация об уликах звучала следующим образом: «Труп работника Дирекции по эксплуатации Кремля в тоннеле, пуговица». И, наконец, Анатолий обозначил необхо-

димые действия: «Выяснение подробностей о погибшем, допрос Колобова, других работников Кремля».

Его поход в научно-исследовательский центр биомедицинских технологий дал сенсационный результат. Принявший Анатолия заместитель директора Леонид Петрович Самохвалов удостоил принесенную улику только беглого взгляда. Затем, не объясняя, позвонил по внутреннему телефону и попросил настоящие пуговицы Ленина. Уже через три минуты вошла средних лет дама с пышной каштановой прической. Почти все пальцы на ее руках были при деле: каждый служил «вешалкой» для золотых колец и перстней. С этим великолепием никак не вязался прозрачный полиэтиленовый пакетик с двумя десятками невзрачных черных пуговиц.

– Это пуговицы Ленина, – сказал Леонид Петрович и жестом разрешил даме удалиться, что она и сделала, гордо неся свою пышную голову. – Не удивляйтесь, что так много. Они не подлинные. Настоящие когда-то подарили американским коммунистам, мы много раз просили вернуть их обратно, особенно в последнее время. Но они рассудили по-своему, и недавно подарили реликвию Нью-Йоркскому университету. Нашему центру пришлось заказывать своего рода муляжи в одной из химических лабораторий. А теперь давайте сравним!

Он высыпал несколько черных кружляков на стол, а рядом положил принесенную Сивцовым пуговицу. Совпадение было полное.

– Кажется, они идентичны, – заключил Анатолий. – Но чтобы подтвердить вывод, требуется глубокая экспертиза, в том числе химический анализ. У вас можно одну позаимствовать?

Леонид Петрович радушно подвинул черный кружок ближе к следователю:

– Возвращать не обязательно. Нам и этих надолго хватит.

Он немного помолчал, а потом, поймав взгляд Сивцова, спросил:

– Как вы думаете, они еще понадобятся? Я имею в виду, удастся ли вам найти тело Ленина?

Анатолий и сам хотел бы это знать, и посему предпочел ответить уклончиво:

– Мы делаем все, чтобы вернуть тело.

Самохвалова явно не удовлетворил ответ, но он постарался не показать разочарования, хотя и заметил:

– Понимаете, Ленин – мумия, а для нее требуются особые условия, другими словами, определенная температура и влажность. В противном случае тело начнет быстро разлагаться. Я надеюсь, что злоумышленники, кем бы они ни были, отдадут себе в этом отчет. Если, конечно, они планируют сохранить тело. В таком случае им понадобится климатическая установка, – скорее всего, специальный кондиционер. Может быть, мои рассуждения помогут вам найти нужное направление в поисках?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.